14.263

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

1426 3.
Елисеев Г. Отеч. Зап. 1868, II
БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.
18724

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

I.

НАША СТАТИСТИКА И КРѢПОСТНОЕ ПРАВО.

(Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Спб. 1866 г.)

Народонаселеніе Европейской Россіи состоитъ въ настоящее время изъ 60.909,309 душъ. Въ томъ числѣ городскаго населенія считается только 6.087,070 душъ или нѣсколько менѣе 10%.

По составнымъ элементамъ это народонаселеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Дворянъ потомственныхъ считается. . . .	677,417
» личныхъ и служащихъ.	296,675
Духовенства.	611,054
Городскихъ сословій (то-есть почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ, купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ)	4.794,175
Военныхъ сословій.	4.048,619
Иностранцевъ	86,611
Разночинцевъ.	912,093
Сельскихъ сословій	49.484,665

Такимъ образомъ элементовъ, непринадлежащихъ къ крестьянскому сословію, считается всего 11.414,644, то-есть не болѣе 18,7 процентовъ или около одной пятой всего народонаселенія. Но если обратимъ вниманіе на то, что въ числѣ показанныхъ нами 4.048,619 военныхъ сословій значится 1.559,088 отставныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ, солдатскихъ женъ и дѣтей, которые примыкаютъ къ крестьянскому сословію, къ которому также должны быть нѣкоторымъ образомъ причислены и безсрочно-отпускные въ количествѣ 81,852 ч. и вообще значительная часть регулярной и иррегулярной арміи, далѣе значитель-

39
Библиотека ИИФ СПбГУ

ная часть купечества, мѣщанъ, цеховыхъ, какъ непосредственно вышедшія изъ народа, то окажется, что и въ составѣ народонаселенія элементы *не крестьянскіе* составятъ едва-ли значительную разницу вообще съ городскимъ населеніемъ.

Изъ этого видно, что Россія, какъ по составу своего народонаселенія, такъ и по мѣсту жительства и занятіямъ его есть государство по преимуществу деревенское, государство мужиковъ.

Такому характеру господствующаго населенія Россіи вполнѣ соотвѣтствуетъ и занимаемая имъ территорія. Огромная равнина, растянувшаяся на пространствѣ 90,134 кв. миль или 4.363,-31 кв. версты, то-есть на пространствѣ гораздо бо̀льшемъ цѣлой Европы, содержитъ въ себѣ такое богатство пахатныхъ полей, пастбищъ, луговъ, о которомъ не можетъ и мечтать Европа. Несмотря на суровость климата въ сѣверной полосѣ этой равнины и на нѣкоторыя неудобныя для обработки почвы на югѣ ея (солончаки), сравнительно съ общимъ пространствомъ только самая незначительная часть земель оказывается въ Европейской Россіи неспособною къ воздѣлыванію хозяйственныхъ растеній. Между тѣмъ при этомъ 18 процентовъ или около пятой части всего пространства Европейской Россіи занимаетъ полоса земли, которой равной по плодородію не знаетъ Европа. Это именно, такъ-называемая, *черноземная* полоса Россіи, которая, простираясь на 17,259 кв. миль или 87.000,000 десятинъ, заключаетъ въ себѣ бо̀льшую часть губерніи Оренбургской, значительную часть губерніи Казанской, Симбирскую, Пензенскую, часть губерніи Саратовской, по правому берегу Волги, губернію Тамбовскую, землю Войска-Донскаго, бо̀льшую часть губерніи Екатеринославской, губерній: Полтавскую, Харьковскую и Воронежскую, часть губерній Тульской и Рязанской, бо̀льшую часть Орловской, часть губерній Черниговской и Кіевской, сѣверныя части губерній Херсонской и Бессарабской, губернію Подольскую и часть Волынской.

Судя по такому обилію и плодородію земель, судя по множеству рукъ, занятыхъ единственно земледѣліемъ, можно бы было ожидать, что ни одна изъ европейскихъ странъ не будетъ въ состояніи состязаться съ Россіею въ земледѣльческой промышленности и той фабричной промышленности, которая основывается на непосредственной обработкѣ сырыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. На дѣлѣ, однакожь, ничего подобнаго не оказывается.

Возьмемъ, напримѣръ, хотя сравнительныя цифры въ разныхъ европейскихъ государствахъ по скотоводству, которое самымъ

тѣснымъ образомъ связано, съ одной стороны, съ земледѣліемъ, а съ другой съ фабричною земледѣльческою промышленостію.

	Австрія.	Прусія.	Великобританія.	Франція.	Евр. Россія.
Народонаселеніе.	36.000,000	18.491,220	29.321,288	37.382,225	60.909,319
Лошади	3.500,000	1.680,000	2.300,000	3.700,000	14.719,000
Рогатый скотъ. .	14.200,000	5.634,000	14.300,000	10.094,000	21.035,000
Овцы.	30.500,000	17.428,000	40.000,000	35.000,000	43.259,000

Изъ этой таблицы видно, что въ Россіи только число лошадей гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Тогда какъ въ Австріи и Франціи приходится почти на 10 человѣкъ 1 лошадь, въ Прусіи на 11, въ Англіи почти на 13 — въ Россіи менѣе, чѣмъ на каждые четыре человѣка считается по одной лошади. Такое числовое превосходство Россіи передъ другими странами Европы въ разведеніи лошадей зависитъ отъ огромности ея территоріи, гдѣ лошади въ значительной своей части употребляются исключительно только какъ средство передвиженія. Оттого количество лошадей по губерніямъ распредѣляется не сообразно потребностямъ земледѣлія, а сообразно той или другой обширности территоріи каждой губерніи и тѣмъ или другимъ путямъ и средствамъ сообщенія. Тамъ, гдѣ разстоянія болѣе значительны, а усовершенствованныхъ путей и способовъ сообщенія находится меньше, содержится большее количество лошадей — и на оборотъ.

По другимъ статьямъ скотоводства Россія или отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ, или стоитъ не выше ихъ. Въ Англіи штука рогатаго скота приходится почти на 2 человѣкъ, въ Австріи на $2^1/_2$, въ Прусіи почти на 3 человѣка, во Франціи на $3^3/_4$, въ Россіи почти на 3 человѣка. Овецъ приходится въ Англіи болѣе $1^1/_3$ штуки на человѣка, въ Австріи, Прусіи, Франціи почти по одной штукѣ на каждаго, въ Россіи по $2/_3$ на человѣка.

Гакстгаузенъ прекрасно выразился о югѣ Россіи, что «пока Россія не владѣла берегами Чернаго Моря и степями, эти прекрасныя страны должны были какъ-бы задыхаться въ собственномъ тукѣ своемъ». Ихъ населеніе и обработка стали быстро подвигаться тогда только, когда съ открытіемъ гаваней Чернаго и Азовскаго Морей открылась возможность сбыта для сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

То же самое, что̀ сказалъ Гакстгаузенъ о недавнемъ времени нашей южной Россіи, должно сказать о всей Россіи до Петра. *Внѣшній* обмѣнъ произведеній былъ, по причинѣ отчужденія отъ Европы, самый ничтожный, да и тотъ находился въ рукахъ нѣ-

сколькихъ иностранныхъ монополистовъ, эксплуатировавшихъ Россію. Болѣе или менѣе значительнаго *внутренняго* обмѣна также быть не могло, потому что Россія представляла сплошную массу сельскаго народонаселенія, по своимъ матеріальнымъ и нравственнымъ потребностямъ стоявшаго на одинаковой степени развитія, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ. Говоря точнѣе, города даже только въ болѣе или менѣе приблизительномъ значеніи этого слова вовсе не было; мѣста поселенія, носившія имя городовъ, имѣли значеніе только или укрѣпленныхъ военныхъ пунктовъ для защиты страны, или административныхъ центровъ. Мелкіе лавочники были единственными представителями городской промышленности. Затѣмъ городъ не имѣлъ никакого отличія отъ деревни. Онъ жилъ такъ же натуральнымъ хозяйствомъ, какъ и деревня, и богатъ былъ только тѣми же самыми хозяйственными продуктами, которые могла доставлять и деревня. Понятно, что при такомъ положеніи вещей земледѣліе могло производить лишь столько, сколько нужно было для незначительнаго мѣстнаго потребленія. Всякій значительный избытокъ долженъ былъ душить самаго производителя.

Со времени Петра, когда открылся Балтійскій портъ и утвердилась прочная связь съ Европою, наступилъ другой порядокъ вещей. Обмѣнъ сельско-хозяйственныхъ произведеній сдѣлался возможнымъ въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ; натуральное хозяйство городовъ начало мало-по-малу смѣняться денежнымъ и городъ, при посредствѣ иностраннаго вліянія, сталъ выдѣляться отъ деревни своими матеріальными и нравственными потребностями.

Но съ этого времени городской рынокъ захватило въ свои руки русское барство и приспособило его чисто къ своимъ личнымъ потребностямъ. Владѣя, при посредствѣ крѣпостнаго труда, огромною массою капиталовъ, оно наполнило его исключительно предметами роскоши, моды, безпутнаго франтовства. Плоды земледѣлія шли безвозвратно на разныя модныя бездѣлушки и пустяки; а между тѣмъ средства земледѣлія нетолько не увеличивались, но нѣкоторымъ образомъ уменьшались противу прежняго, потому что усиливавшаяся со дня на день роскошь и мотовство уменьшали у крестьянина и тѣ скудныя средства, которыми онъ прежде поддерживалъ свое хозяйство. Къ этому присоединилась вскорѣ оброчная спекуляція. Большая заработная плата въ городахъ давала гораздо болѣе денегъ, чѣмъ земледѣліе. Вслѣдствіе этого помѣщики тысячами разсылали своихъ крестьянъ на заработки, отрывая ихъ отъ земледѣлія.

Съ этого времени начала усиливаться эксплоатація промышлен-

ныхъ силъ Россіи, которая съ каждымъ годомъ шла впередъ самыми быстрыми шагами.

Эксплоатація эта производилась двоякимъ образомъ: *непосредственно* и *посредственно*.

Съ того времени, какъ сбытъ сельскихъ произведеній въ значительныхъ размѣрахъ сдѣлался возможенъ и удобенъ и сталъ доставлять хорошія деньги, естественно, что землевладѣльцы всюду стали увеличивать запашки. Но владѣя милліонными силами дароваго труда, они не давали никакой цѣнности труду и не обращали вниманія на то, какой обработываемая ими земля можетъ дать процентъ и даже можетъ ли дать какой-нибудь процентъ, еслибы ее обработать наемнымъ трудомъ? Все, что ни давала имъ земля, было благо и хорошо для нихъ, ибо все-таки было лучше ничего. Но тамъ, гдѣ земля давала ничтожный процентъ, едва покрывавшій трудъ, землевладѣльцы могли брать только то, что было необходимо для средствъ и успѣха земледѣлія въ будущемъ. Мнимый доходъ ихъ былъ прогресивнымъ разореніемъ ихъ собственнаго хозяйства. Къ несчастію, именно такія мѣстности, то-есть мѣстности съ почвою бѣдною и неблагодарною для земледѣлія окружали обѣ наши столицы, въ которыхъ сосредоточивалось все вліятельнѣйшее служебное и неслужебное дворянство и около которыхъ поэтому самому крѣпостное владѣніе должно было пустить самые глубокіе и широкіе корни. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежали губерніи: Смоленская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Калужская и Московская, имѣющія посредственную почву, губерніи Петербургская, Новгородская, Тверская, Псковская съ почвою совершенно бѣдною и неблагодарною для земледѣлія. Въ исчисленныхъ нами губерніяхъ даже съ посредственною почвою процентъ, даваемый земледѣліемъ, такъ ничтоженъ, что при вольномъ трудѣ былъ бы не въ состояніи покрыть затратъ капитала на обработку земли. Гакстгаузенъ, внимательно изучившій сельско-хозяйственныя отношенія въ разныхъ странахъ, дѣлалъ исчисленіе, во что бы обошлось содержаніе большаго земледѣльческаго имѣнія въ Ярославской губерніи. Сообразивъ издержки, которыя потребовались бы на обработку земли въ такомъ имѣніи вольнымъ наймомъ, а также потерю процентовъ съ обращающагося капитала, который долженъ оставаться праздным, въ теченіе почти всей зимы по недостатку занятій для людей, находящихся при фермѣ и для скота, содержимаго для полевыхъ работъ—съ тѣми выгодами, которыя должны получиться, сдѣлавъ затѣмъ сравнительное сличеніе издержекъ и выгодъ для

подобнаго имѣнія въ Россіи, Франціи и Германіи, Гакстгаузенъ пришелъ къ слѣдующему заключенію:

«Еслибы кому нибудь подарили имѣніе, положимъ, подъ Ярославлемъ съ условіемъ учредить тамъ ферму и завести хозяйство въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ въ средней Европѣ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ всего, что составляетъ хозяйственный инвентарь, то мы посовѣтовали бы такому человѣку отказаться отъ этого подарка. Онъ нетолько не получилъ бы никакой выгоды отъ подобнаго предпріятія, но ему даже пришлось бы ежегодно тратить на него значительныя суммы. Отсюда очевидно, что здѣсь занятіе земледѣліемъ въ большихъ имѣніяхъ само по себѣ не можетъ быть прибыльнымъ. Но и оставлять его также нельзя: къ нему принуждаетъ необходимость. При существующихъ обстоятельствахъ большія хозяйства должны быть, по нашему мнѣнію, только двоякаго рода: вопервыхъ, барщинныя, гдѣ хозяинъ можетъ не держать и не кормить на свой счетъ работниковъ, работницъ и нужный скотъ, или другими словами вовсе не несетъ хозяйственныхъ издержекъ; вовторыхъ, когда мы устраиваемъ собственное хозяйство съ рабочими людьми и скотомъ, но такъ, что съ нимъ соединяется какое нибудь занятіе въ родѣ фабричнаго, чтобы рабочія силы, еще неистощенныя и остающіяся свободными отъ хлѣбопашества, могли быть употребляемы съ выгодою». Но при этомъ Гакстгаузенъ замѣчаетъ, что мѣстныя обстоятельства рѣдко благопріятствуютъ подобнымъ сложнымъ предпріятіямъ.

Такимъ образомъ во все время, пока существовало крѣпостное право, всѣ мѣстности съ землею посредственною и плохою, за исключеніемъ немногихъ, поставленныхъ въ особенно благопріятныя условія, должны были подвергаться систематическому разоренію, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ довольствовался сравнительно болѣе или менѣе умѣреннымъ процентомъ отъ жатвы. Ибо процентъ этотъ былъ только мнимый, въ сущности же онъ отнимался отъ капитала, необходимаго для земледѣлія. На чемъ бы ни отражалась въ хозяйствѣ каждогодная убыль этого процента, на уменьшеніи или ухудшеніи рабочихъ силъ, скота, орудій и т. п., во всякомъ случаѣ онъ велъ земледѣльческое хозяйство къ вѣрному разстройству и разоренію. Мы уже не говоримъ о тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ бралъ почти все, что давала земля, оставляя крестьянамъ лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду.

Эта эксплоатація земледѣлія еще болѣе увеличилась, когда къ ней присоединялась впослѣдствіи дошедшая до огромныхъ размѣровъ оброчная спекуляція. Большая заработная плата въ

городахъ, вообще на фабрикахъ давала гораздо болѣе денегъ, чѣмъ земледѣльческій трудъ. Вслѣдствіе этого помѣщики тысячами распускали своихъ крестьянъ на заработки въ города за извѣстную оброчную плату, увольняя ихъ отъ земледѣлія. Съ своей стороны крестьяне охотно мѣняли барщину на оброкъ. Оброчное состояніе было для нихъ чѣмъ-то въ родѣ свободы. Отправляясь на оброкъ, конечно, немногіе изъ крестьянъ надѣялись разбогатѣть, но всѣмъ было пріятно пожить на своей волѣ, избавиться хоть на время отъ стѣсненій и побоевъ. Правда, такое странничество крестьянъ въ извѣстныхъ размѣрахъ было нетолько не вредно, но и нужно, именно когда изъ мѣстностей мало плодородныхъ излишнія руки шли искать другаго труда. Но дурно было то, что корыстію помѣщиковъ оно было доводимо до крайнихъ размѣровъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе по бѣдности почвы, безъ искусственныхъ средствъ удобренія могло давать только малый процентъ, все сильное народонаселеніе переходило на оброкъ. За сохою оставались только старый и малый. Это, конечно, не могло не отражаться самымъ вреднымъ образомъ, какъ на самомъ земледѣліи, такъ еще болѣе на разстройствѣ крестьянскихъ хозяйствъ, на физическомъ истощеніи слабыхъ силъ непомѣрными работами, на нравственной порчѣ и привычкѣ къ бездомности въ зрѣлыхъ возрастахъ.

Но вліяя непосредственно на производительность земли, на все сельское хозяйство, на весь сельскій бытъ, крѣпостное право захватывало и сферу, повидимому чуждую для него, городской и вообще всей промышленной жизни. Гдѣ группировалось значительное число землевладѣльцевъ, имѣвшихъ въ рукахъ своихъ всѣ заработанныя крестьянами деньги, тамъ, естественно, около нихъ должно было сосредоточиваться городское, вообще промышленное народонаселеніе, стремившееся удовлетворить ихъ потребностямъ. Это движеніе городскаго народонаселенія, обманывавшее глаза своею энергіею, напряженіемъ и цвѣтущимъ теченіемъ, въ значительной части своей было разорительно для страны, потому что оно вызывалось не тукомъ земли, какъ выражается Гакстгаузенъ, искавшимъ себѣ исхода, а похищеніемъ у земли необходимаго, потому что оно служило не всеобщимъ народнымъ потребностямъ, а искусственнымъ барскимъ прихотямъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ, потому что оно отнимало безчисленное множество рукъ отъ труда дѣйствительно производительнаго, употребляя ихъ на производства непроизводительныя и безполезныя.

Такимъ образомъ, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что всѣ промышленныя силы Россіи дѣйствовали подъ непосред-

ственнымъ вліяніемъ крѣпостнаго права, или подъ сильнымъ его вліяніемъ. Наша промышленная статистика прошедшаго для того, кто опуститъ изъ виду это вседѣйствующее въ ней начало, останется непонятнымъ іероглифомъ. Правда, что въ этомъ іероглифѣ не особенно много пойметъ и тотъ, кто будетъ читать его съ указаннымъ нами ключемъ. Но для того будетъ, по крайней-мѣрѣ, ясно общее положеніе дѣла. Онъ будетъ знать, что имѣетъ дѣло не съ нормальнымъ, а съ патологическимъ состояніемъ общества. Утвердиться на этой точкѣ зрѣнія очень важно, ибо отъ нея наша статистика получаетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ какой имѣетъ статистика другихъ европейскихъ государствъ. Статистика каждаго европейскаго государства можетъ служить и служитъ болѣе или менѣе вѣрнымъ указателемъ для будущаго въ различныхъ сферахъ дѣятельности, напримѣръ административной, промышленной, земледѣльческой, торговой и т. д. Наша статистика такимъ указателемъ можетъ быть только развѣ отчасти, ибо еслибы мы и вѣрно узнали изъ нея, какъ наши производительныя силы дѣйствовали въ прошедшемъ подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, то отсюда мы все-таки не можемъ заключить, какъ онѣ разовьются на свободѣ. На что устремится ихъ дѣятельность? По какимъ пойдетъ путямъ и направленіямъ? Гдѣ и какія изберетъ центры движенія?

Нѣтъ сомнѣнія, что многое изъ того, что̀ цвѣло доселѣ, падетъ безвозвратно; многое, что̀ доселѣ вовсе не проявлялось или намѣчалось только очень блѣдными чертами, выступитъ на первый планъ; и изъ того, что̀ уцѣлѣетъ, многое приметъ другой видъ и другое значеніе въ общемъ отъ другаго своего положенія. Однимъ словомъ, мы можемъ нетолько предугадывать, но даже сказать навѣрное, что очень многое будетъ не такъ, какъ оно было доселѣ, но какъ оно будетъ—не можемъ даже и предугадывать по даннымъ нашей статистики по той простой причинѣ, что по привычкамъ и наклонностямъ больнаго организма ничего нельзя заключать о его дѣятельности въ здоровомъ состояніи.

Конечно, было бы очень поучительно и полезно, даже въ видахъ будущаго, знать хорошо и патологическое состояніе общества. Къ сожалѣнію, наша статистика имѣетъ очень мало средствъ въ своемъ распоряженіи для добычи вѣрныхъ данныхъ. Даже по вопросамъ банальнаго характера у ней имѣются лишь немногія, и то только приблизительно вѣрныя цифры. Остальное все очень шатко и сомнительно даже и въ такихъ вопросахъ. Отъ этого прошелъ безъ особенной пользы для насъ прекрасный, т.-е. исполненный добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ пріемовъ дѣла

трудъ Тенгоборскаго: «О производительныхъ силахъ Россіи». По всей вѣроятности, не принесетъ особенной пользы и недавно изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ: «Статистическій Временникъ». Съ технической стороны онъ выполненъ также добросовѣстно и прекрасно. Но что̀ изъ того? О многихъ данныхъ по вопросамъ первой важности въ немъ нѣтъ и помину. По другимъ вопросамъ, конечно, есть данныя, но какія?—Читатель пробѣгаетъ огромное предисловіе, предпосланное сборнику его составителями, которое все составлено изъ напоминаній о томъ, что такимъ-то даннымъ вѣрить можно очень мало, другимъ вовсе нельзя, третьимъ можно лишь отчасти и т. д.

Что̀ же намъ дѣлать, читатель? Не сказать ли намъ,—прочитавъ интересное предувѣдомленіе почтенныхъ составителей сборника: *аминь*, затѣмъ закрыть спокойно книгу, и похеривъ однимъ разомъ всѣ прошлые статистическіе труды или точнѣе сказать грѣхи, не успокоиться ли въ ожиданіи лучшихъ?

Нельзя, читатель. Къ «Статистическому Временнику» вы должны имѣть уваженіе уже потому одному, что всѣ его данныя какъ разъ почти совпадаютъ съ временемъ уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи. Для насъ онъ представляетъ собою разсчетъ нашъ съ прошлымъ, грань, раздѣляющую прошедшее отъ новаго, нѣкоторымъ образомъ полную лѣтопись нашего прошедшаго.

Поздній потомокъ, почтительный къ этой лѣтописи, также, какъ мы теперь почтительны къ лѣтописи Нестора, развернетъ ее не безъ удивленія и отойдетъ отъ нея не безъ назиданія. «Какъ умны были наши предки! скажетъ онъ, взглянувъ на отдѣлъ «народнаго образованія» въ Статистическомъ Временникѣ.—Какъ у нихъ много было университетовъ, академій, лицеевъ, институтовъ всѣхъ возможныхъ родовъ! И какъ они мало однакожъ производили вещей!» прибавитъ онъ, заглянувши въ томъ Временникѣ въ отдѣлы «о производствѣ, о внутреннемъ судоходствѣ» и по «внѣшней торговлѣ». Усердно производили одну водку! По рѣкамъ же внутренняго судоходства и по портамъ возили только сырье — кожи, сало, пеньку, шерсть и т. п., то-есть почти тѣ же самые предметы, которыми торговали при Олегѣ и Игорѣ и варяги, хотя у послѣднихъ и не было ни университетовъ, ни академій, ни лицевъ. «Странно!» подумаетъ благородный потомокъ. «Отчего бы это могло зависѣть?» Оттого, рѣшитъ онъ, что предки были слишкомъ преданы наукамъ, въ особенности классическимъ; имъ некогда было обращать вниманіе на житейскія дѣла. Оттого у нихъ и отпускъ никогда не соотвѣтствовалъ привозу, а бумажныя цѣнности металлическому

фонду: «Теперь не то!» подумаетъ со вздохомъ юноша. «Сырья почти совсѣмъ не видно въ отпускѣ. За море идутъ почти одни издѣлія русской индустріи. Отпускъ далеко превышаетъ привозъ, металлическій фондъ въ нѣсколько разъ покрываетъ бумажные знаки. Но за то нѣтъ и въ поминѣ того благороднаго, безкорыстнаго рвенія къ наукамъ, въ особенности классическимъ, какое имѣли наши предки. О! пойдемъ же и будемъ подражать имъ, чтобы тѣни ихъ изъ своихъ могилъ не смотрѣли на насъ укоризненно за нашу лѣность».

Но еслибы потомокъ, держа въ рукахъ нашу статистику, подумалъ о насъ вовсе не то, что́ мы предполагаемъ, а нѣчто другое, не очень лестное для насъ, то и въ такомъ случаѣ мы не можетъ похерить нашей статистики. Англія имѣетъ статистику, Франція имѣетъ статистику, Прусія, Австрія имѣютъ статистику, мало того: даже какой нибудь Липпе-Детмольдъ, Монако, Гамбургъ имѣютъ статистику. Какъ же Россіи быть безъ статистики? Согласитесь, что совсѣмъ неловко и даже неприлично. Прежде, бывало, когда я возьму какую нибудь иностранную статистику въ руки и увижу, что по той или другой статьѣ въ ней показаны силы всѣхъ государствъ Европы даже самонаималѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ, и нѣтъ цифры только о Россіи, то точно будто что ущемитъ за сердце. Какъ! думаю я. Всѣ на лицо, всѣ: даже Липпе-Детмольдъ, даже Монако!! Только Россіи нѣтъ. Развѣ Россія не европейское государство? То ли ли дѣло теперь? Беру я статистическую таблицу Гюбнера за 1866—1867 годъ, и нахожу, что Россія нетолько не обойдена ни одною цифрою сравнительно съ другими государствами, но даже удостсена внесенія въ небольшую сравнительную таблички, въ которой помѣщены, кромѣ ея, только слѣдующія шесть государствъ: Австрія, Прусія, Англія, Франція, Голландія, Бельгія. Изъ этой таблички я, между прочимъ, усматриваю, что имѣютъ:

	Австрія.	Прусія.	Англія.	Франція.	Голландія.	Бельгія.	Россія.
Народонаселенія	33.560.000	19.340.363	29.346.832	37.386.313	3.493.000	4.940.570	75.748.486
Лошадей. . . .	1.580.000	1.863.000	2.860.000	3.000.000	250.000	300.000	18.500.000
Рогатаго скота .	40.000	5.837.000	15.030.000	12.150.000	1.374.000	1.257.000	26.200.000
Овецъ.	14.258.000	19.329.000	48.500.000	35.000.000	882 000	670.000	52.000.000
Свиней. . . .	8.152.000	2.800.000	3.803.000	5.246.000	295.000	458.000	10.100.000

Такія показанія доктора Гюбнера (онъ же и директоръ центральнаго статистическаго архива) приводятъ меня въ восторгъ. Они наполняютъ мое сердце нетолько чувствомъ удовольствія, но даже чувствомъ нѣкоторой гордости. Что жъ! думаю я. По своему населенію Россія держава рѣшительно первая. Ея народонаселеніе очень значительно въ сравненіи даже съ самыми большими европейскими государствами, хотя докторъ Гюбнеръ

все-таки нѣсколько преувеличилъ его. Далѣе, если взять даже и процентное отношеніе народонаселеній поименованныхъ въ табличкѣ государствъ, то все-таки окажется, что нигдѣ нѣтъ такого количества лошадей, какъ у насъ. Въ рогатомъ скотѣ и овцахъ мы, положимъ, уступаемъ Англіи, но стоимъ не ниже другихъ государствъ. Но за то свиньями опять превосходимъ всѣ государства, уступая развѣ только нѣсколько Франціи.

Чтобы насладиться еще болѣе торжествомъ, доставленнымъ докторомъ Гюбнеромъ, я обращаюсь къ нашему «Статистическому Временнику»... Но здѣсь, къ изумленію моему, нахожу, что Россія имѣетъ

Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
не 18.500,000,	не 26.200,000,	не 52.000,000,	не 10 100,000,
а 14.719,000,	а 21.035,000,	а 43.259,000,	а 9.394,000.

Разность показаній «Временника» противъ показаній доктора Гюбнера, какъ видитъ читатель, очень значительная. Это меня нѣсколько смущаетъ и огорчаетъ. Ибо не могу же я болѣе вѣрить доктору Гюбнеру, чѣмъ «Статистическому Временнику», черпавшему свои свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ. «Но», думаю я: «положимъ, что докторъ Гюбнеръ ошибся. Но мы скоро поправимъ его... оправдаемъ его ошибку. У насъ все растетъ очень быстро... и наука... и прогресъ... и народонаселеніе. По всей вѣроятности, и животный міръ не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ общаго теченія». Я бросаюсь въ сочиненія Тенгоборскаго, чтобы утвердить сіи мои надежды, узнавъ, на сколько возросло у насъ скотоводство въ послѣднія 12 лѣтъ. Но здѣсь, къ вящшему моему изумленію, нахожу, что у насъ въ 1850 году скота было, дѣйствительно, около того, сколько показываетъ Гюбнеръ, а именно:

Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.
17.072,335	24.917,805	44.846,160

Свиней въ своей таблицѣ, изъ которой мы беремъ эти цифры, Тенгоборскій игнорируетъ. Но въ отдѣльной статьѣ о свиньяхъ онъ количество ихъ только въ 48 губерніяхъ европейской Россіи полагаетъ въ 10.053,500 головъ — почти такъ, какъ у Гюбнера.

Такая огромная потеря скота впродолженіе какого нибудь десятка лѣтъ повергаетъ меня въ раздумье. Я думаю, не ошибка ли у Тенгоборскаго въ валовыхъ цифрахъ, начинаю повѣрять его по губерніямъ, и нахожу, что

	Было по Тенгоборскому		По «Статистич. Временнику» осталось	
	лошадей	рогат. скота.	лошадей	рогат. скота.
въ Губ. Костромской	309,790	591,990	270,000	304,080
» » Могилевской	395,280	587,270	291,000	380,000
» » Тульской	452,940	314,380	350,000	210,000
» » Калужской	334,670	361,900	240,000	251,000
» » Херсонской	300,500	765,620	123,000	567,000
» » Тверской	499,530	670,550	332,000	480,000

И точно такимъ же образомъ по бо́льшей части губерній. Очевидно, что въ валовыхъ числахъ у Тенгоборскаго никакой ошибки нѣтъ. Скотъ нашъ исчезъ цѣлыми сотнями тысячъ въ очень многихъ губерніяхъ, и не отъ бѣдствія какого нибудь, ибо губерніи потерпѣвшія находятся въ разныхъ концахъ Россіи, и никакого общаго бѣдствія не испытывали. Куда же онъ исчезъ? Сначала мнѣ представилось, что не поѣли ли его и не пропили ли въ недавнее время мужики, предавшіеся послѣ своего освобожденія, какъ увѣряютъ нѣкоторые заматорѣлые въ крѣпостныхъ воззрѣніяхъ наши органы печати, пьянству, безпутству и всѣмъ вообще порокамъ, а въ томъ числѣ и сластолюбію, и лакомству. Но потомъ я вспомнилъ, что цифры «Статистическаго Временника» почти совпадаютъ съ временемъ освобожденія крестьянъ. Слѣдовательно, ясно, что скотъ исчезъ еще во время крѣпостнаго права. Но куда же онъ исчезъ? Нѣтъ сомнѣнія, что данныя, на которыхъ основывался Тенгоборскій, хотя они были и офиціальныя, были очень невѣрны. И хотя данныя «Статистическаго Временника» также офиціальныя, но мы имѣемъ основаніе болѣе довѣрять имъ, чѣмъ даннымъ Тенгоборскаго.

Неужели, однакожъ, возможны такія ужасающія ошибки въ статистическихъ цифрахъ? Какъ! Въ цифрѣ, состоящей всего изъ какихъ нибудь 300.400,500 тысячъ, дѣлается ошибка на 100.150,200 тысячъ! Возможно ли это? Чѣмъ послѣ этого такая статистика отличается отъ миѳологіи?

Позвольте, нетерпѣливый читатель. Вамъ нетолько нечѣмъ было бы огорчаться, а напротивъ, вы могли бы чувствовать себя очень недурно, еслибы дѣло шло только объ ошибкахъ во 100.150,200 тысячъ, положимъ даже въ цифрѣ не болѣе, какъ въ 500 тысячъ величиною. Могутъ быть у насъ статистическія ошибки гораздо хуже. Вотъ, напримѣръ, какой фактъ разсказываетъ одинъ недавній туристъ по Россіи (см. «Русс. Инвалидъ»

1867 г., № 41), фактъ, за достовѣрность котораго онъ ручается. При повѣркѣ предсѣдателемъ Чембарской земской управы количества земли и угодій, находящихся въ уѣздѣ въ виду уравненія земскихъ повинностей, оказалось, что по книгамъ уѣзднаго казначейства числилось за помѣщицей княгиней Прасковьей Голицыной 227 десятинъ земли, и за дѣйствительною статскою совѣтницей Небольсиной 404 десятины, причемъ на обоихъ имѣніяхъ были показаны значительныя, нѣскольколѣтнія недоимки; но каково же было удивленіе, когда, по самому тщательному розыску, имѣній этихъ въ уздѣ не оказалось, и никто изъ жителей не припомнитъ такихъ помѣщицъ». Что̀ вы скажите на это, читатель? Что̀ если и тѣ мильйоны скота, которые насчитываетъ «Статистическій Временникъ», такой же миѳъ, какъ мильйоны Тенгоборскаго, или помѣстья княгини Голицыной и дѣйствительной статской совѣтницы Небольсиной? Вы готовы будете впасть отъ этого въ отчаяніе. Мы смотримъ на это гораздо трезвѣе. Мы твердо убѣждены въ томъ, что извѣстное количество скота у насъ есть. Ибо мы и ѣдимъ его, и ѣздимъ на немъ. А больше ли его, меньше ли его нѣсколькими мильйонами въ статистическихъ таблицахъ — не все ли это равно для насъ? А безъ статистики, то-есть безъ показанія опредѣленныхъ цифръ наличнаго количества скота быть тоже нельзя. Разъ, что науки не будетъ, а второе, что ни Гюбнеръ, ни Кольбъ, однимъ словомъ, ни одинъ иностранный статистикъ не будетъ тогда упоминать о себѣ; будетъ обходить обитателей Россіи, точно обитателей какой-нибудь внутренней Африки. Это будетъ гораздо обиднѣе.

Наконецъ, въ окончательное твое утѣшеніе и успокоеніе, читатель, я долженъ сказать, что среди моря лжи, которое представляетъ собою наша статистика, есть нѣсколько крупицъ истины, которыхъ бросать мы не имѣемъ никакого права, уже потому одному, что мы вообще небогаты подобными крупицами, а главное потому, что онѣ въ настоящее время особенно дороги для насъ, и дороги, можетъ быть, именно своею статистическою формою.

Въ этихъ именно видахъ мы представляемъ здѣсь нѣсколько таблицъ, извлеченныхъ нами изъ «Статистическаго Временника», изъ сочиненія Тенгоборскаго: «О производительныхъ силахъ Россіи», и характеризующихъ наше прошлое, а, пожалуй, настоящее, которыя мы потомъ пояснимъ нѣсколькими нелишенными, мы думаемъ, нѣкотораго значенія примѣчаніями.

Табл. № 1.

Губерніи Европейской Россіи по угодьямъ.

Губерніи.	Тысячъ десятинъ.					На 100 десятинъ общаго пространства.				На 100 дес. пах. земли приход. луговъ.	На 1 кв. милю приход. жителей.	На 1 кв. версту приход. жит.
	Пахатной.	Сѣнокосной.	Лѣсу.	Утабеной, выгонной и проч.	ВСЕГО.	Пахатной.	Луговой.	Лѣсу.	Неудобн.			
1. Подольская.....	2,015	616	589	665	3,885	52,0	15,9	15,1	17,0	30,5	2,424	50,1
2. Полтавская.....	2,000	1,478	310	762	4,550	44,0	32,5	6,8	16,7	73,9	2,117	43,8
3. Харьковская....	2,300	1,500	620	563	4,983	46,0	30,1	12,8	11,0	65,2	1,610	33,2
4. Бесарабская.....	1,210	1,100	288	597	3,195	37,8	34,4	9,0	19,8	99,9	1,619	33,4
5. Саратовская.....	2,000	3,300	790	1,405	7,495	26,6	44,0	10,9	18,5	165,0	1,137	23,5
6. Пензенская.....	1,507	501	1,212	252	3,472	43,4	14,4	35,0	7,2	33,2	1,711	35,4
7. Самарская.....	2,000	2,648	1,746	8,188	14,582	13,8	18,1	11,9	56,1	132,4	584	12,1
8. Тамбовская.....	3,600	750	1,069	639	6,058	60,0	12,4	17,6	10,0	20,8	1,643	33,9
9. Воронежская....	3,675	1,120	556	750	6,101	60,2	18,3	9,1	12,4	30,4	1,600	33,0
10. Курская.....	2,797	396	400	579	4,172	67,0	9,5	9,5	14,0	14,1	2,228	46,0
11. Симбирская.....	1,826	446	1,651	528	4,451	41,0	10,0	37,5	11,5	24,4	1,340	27,7
12. Казанская.....	2,478	452	2,278	421	5,629	44,0	8,0	40,4	7,6	18,2	1,440	29,7
13. *Кіевская*.....	2,657	468	1,155	379	4,659	57,0	10,0	24,7	8,3	17,6	2,177	44,9
14. *Волынская*.....	2,200	790	2,733	802	6,525	33,7	12,1	41,9	12,3	36,0	1,238	22,6
15. *Зем. Войск. Донс.*	3,609	8,800	321	1,413	14.143	25,5	62,2	2,2	10,0	234,5	338	6,8
16. *Тульская*.....	2,000	300	241	271	2,812	70,0	10,6	8,6	10,7	15,0	2,069	42,7
17. *Черниговская*.....	2,600	620	928	648	4,796	54,0	12,9	19,4	14,6	23,9	1,564	32,3
18. *Екатеринославская*	2,000	2,918	87	1,200	6,205	32,2	47,0	1,4	19,4	149,0	983	20,3
19. *Таврическая*.....	1,000	2,800	290	1,483	5,573	17,5	50,2	5,2	27,0	350,0	548	11,3
20. *Херсонская*.....	2,955	2,529	91	1,009	6,584	45,0	38,4	1,3	15,2	86,0	1,018	21,0
21. *Рязанская*.....	2,138	360	945	395	3,838	56,0	9,3	22,0	12,7	17,0	1,864	38,5
22. *Орловская*.....	2,400	400	1,001	579	4.380	55,0	9,1	23,1	12,8	16,6	1,785	36,9
23. *Вятская*.....	3,160	542	8,949	479	13,130	24,0	4,1	68,1	3,8	17,1	852	17,6
24. *Оренбургская*.....	1,383	3,381	9,000	10,785	24,549	5,6	13,7	51,0	44,0	244,4	384	8,0
25. **Могилевская**.....	2.000	337	1,184	856	4,377	45,7	7,7	27,0	19,6	16,8	1,604	22,0
26. **Минская**.....	1,992	792	3,676	1,717	8,177	24,0	9,6	45,0	21,3	40,0	618	12,7
27. **Гродненская**.....	1.438	407	958	681	3.484	41.3	11,7	27,5	19,5	28,3	1,294	26,5
28. **Ковенская**.....	2,053	495	768	395	3,711	55,3	13,3	20,6	10,8	24,1	1.429	29,5
29. **Пермская**.....	3,006	2,608	22,687	2,571	30,872	9,7	8,5	73,5	8,5	86.7	353	7,3
30. **Нижегородская**....	1.800	280	2,308	265	4,653	38.7	6,0	49,6	5,7	15.5	1,392	28,7
31. Смоленская.....	1,970	850	1,800	551	5,171	38,1	16,4	34,8	10,6	43,1	1,117	23,1
32. Витебская.....	1,877	167	1,738	370	4,152	45,2	4,0	41,8	9,0	8,8	952	19 6
33. Эстляндская.....	280	370	450	707	1,807	15,5	20,5	24,9	39,0	132	872	18,0
34. Лифляндская.....	921	611	1,896	781	4,209	22,0	14.5	45,1	18,4	66.3	1,120	23,1
35. Курляндская.....	552	383	851	695	2,481	22,2	15,4	34,2	28,2	69,4	1,166	24,1
36. Виленская.....	1,650	571	1,156	477	3,854	42,9	14,9	30,0	12,2	34,6	1,176	24,3
37. Ярославская.....	1,100	600	1,065	367	3,132	35,0	19,1	34,0	11,4	54,5	1,561	32,2
38. Костромская.....	1,505	306	4,906	587	7,304	20,6	4,2	67,1	8,1	20,3	741	15,3
39. Владимірская.....	1,900	280	2,030	123	4,333	43,8	6,5	46,8	2,9	14,7	1,415	29,2
40. Калужская.....	1,550	308	723	303	2.884	53,7	10,7	25,1	10,5	19,8	1,720	35,5
41. Московская.....	1,200	300	1,171	401	3,072	39,0	10,0	38,1	12,9	25,0	2,598	53,7
42. **Архангельская**.....	84	124	30,312	38,431	68,951	0,1	0,1	35,3	64,5	147,7	20	0,4
43. **Вологодская**.....	800	450	33,470	1,531	36,251	2,2	1,2	92,3	4,3	56,2	135	2,8
44. **Олонецкая**.....	257	88	9,620	2,015	11,980	2,1	0,7	80,3	16,9	34,3	125	2,5
45. **С.-Петербургская**..	675	478	1,820	1,160	4,133	16,3	11,5	44,0	28,2	70,8	1,446	26,9
46. **Новгородская**.....	1,300	470	6,603	2,079	10,452	12,4	4,5	62,6	20,5	36,1	481	9,9
47. **Тверская**.....	1,850	1,288	1,844	852	5,834	31,7	22,0	31,6	14,6	69,6	1,311	27,1
48. **Псковская**.....	1,300	320	1,977	426	4,023	32,3	8,0	48,0	10,8	24,5	901	18,7
49. **Астраханская**.....	231	980	140	19,142	20,493	1,1	4,8	0,6	93,5	424,2	94	1,9
	88,802	52,078	172,403	112,274	425,557	20,9	12,2	40,3	26,6	58,9	—	—

Изъ поименованныхъ въ таблицѣ губерній Европейской Россіи *первыя* 12 имѣютъ *почву вообще очень плодородную*; *вторыя* 12 — *большею частію очень плодородную*; *третьи* 6 — *отчасти довольно плодородную*; *четвертыя* 11 — *посредственную*; наконецъ послѣднія 8 — *очень бѣдную или неблагодарную для земледѣлія по причинѣ качества земли или по причинѣ суровости климата.*

Таблица народонаселенія

(Знакъ — *озна*

№ №	Губерніи Европейской Россіи по ихъ населенію.				Абсолютный приростъ населенія въ теченіе 12 л.
	а) въ 1862 году.		б) въ 1850 году.		
1.	Вятская	2.220,601	Вятская	1.929,000	291,601
2.	Пермская	2.138,548	Пермская	1.879,000	259,548
3.	Кіевская	2.012,095	Кіевская	1.701,000	311,095
4.	Тамбовская	1.974,584	Тамбовская	1.685,000	289,584
5.	Воронежская	1.938,113	Воронежская	1.669,000	269,113
6.	Полтавская	1.911,442	Полтавская	1.665,000	246,442
7.	Подольская	1.868,857	Подольская	1.596,000	272,857
8.	Оренбургская	1.843,371	Оренбургская	1.520,800	322,571
9.	Курская	1.827,068	Курская	1.728,000	99,078
10.	Самарская	1.690,779	Самарская	1.341,000	349,769
11.	Саратовская	1.688,561	Саратовская	1.497,300	191,261
12.	Казанская	1.607,122	Казанская	1.390,000	217,122
13.	Волынская	1.602,715	Волынская	1.495,000	107,715
14.	Харьковская	1.590,926	Харьковская	1.184,000	406,926
15.	Московская	1.564,240	Московская	1.527,000	38,240
16.	Орловская	1.533,619	Орловская	1.408,000	125,619
17.	Тверская	1.518,077	Тверская	1.411,000	107,077
18.	Черниговская	1.487,372	Черниговская	1.392,000	95,375
19.	Рязанская	1.418,293	Рязанская	1.372,000	46,293
20.	Херсонская	1.330,138	Херсонская	919,000	411,238
21.	Нижегородская	1.285,196	Нижегородская	1.175,000	110,196
22.	Владимірская	1.216,619	Владимірская	1.171,000	45,619
23.	Екатеринославская	1.204,751	Екатеринославская	994,000	210,751
24.	Симбирская	1.183,312	Симбирская	1.061,900	121,412
25.	Пензенская	1.179,080	Пензенская	1.066,000	113,080
26.	С.-Петербургская	1.174,174	С.-Петербургская	1.145,000	29,174
27.	Тульская	1.152,470	Тульская	1.115,000	37,470
28.	Смоленская	1.137,212	Смоленская	1.084,000	53,212
29.	Костромская	1.073,971	Костромская	1.047,000	26,971
30.	Ковенская	1.052,164	Ковенская	935,000	117,164
31.	Бессарабская	1.026,346	Бессарабская	903,000	124,346
32.	Новгородская	1.006,293	Новгородская	890,000	116,293
33.	Минская	1.001,335	Минская	980,000	21,335
34.	Вологодская	374,723	Вологодская	866,000	108,723
35.	Ярославская	969,642	Ярославская	961,000	8,642
36.	Земля Войска Донскаго	949,682	Земля Войска Донскаго	798,000	152,682
37.	Калужская	964,796	Калужская	976,000	11,204
38.	Лифляндская	925,275	Лифляндская	836,000	89,275
39.	Могилевская	924,080	Могилевская	835,000	89,080
40.	Виленская	899,993	Виленская	819,000	80,993
41.	Гродненская	894,194	Гродненская	870,000	24,194
42.	Витебская	776,739	Витебская	733,000	43,739
43.	Псковская	718,907	Псковская	673,000	45,907
44.	Таврическая	606,783	Таврическая	665,000	58,217
45.	Курляндская	573,856	Курляндская	530,000	43,856
46	Астраханская	377,239	Астраханская	266,000	111,239
47.	Эстляндская	313,119	Эстляндская	302,000	11,119
48.	Олонецкая	296,593	Олонецкая	278,500	18,093
49.	Архангельская	284,244	Архангельская	252,000	32,244

Табл. № 2.

Европейской Россіи.

чаетъ дефицитъ).

Процентное отношеніе прироста населенія по губерніямъ въ теченіе 12 лѣтъ.		№ №	Процентное отношеніе прироста городскаго населенія съ 1850—1862 г.		Процентное отношеніе прироста сельскаго населенія съ 1850—1862 года.	
Болѣе 40%.						
Херсонская	44,7	1.	Новгородская	107,6	Новгородская	9,4
Астраханская	41,8	2.	Могилевская	95,7	Могилевская	5
Харьковская	34,3	3.	Ковенская	77,3	Ковенская	9
Самарская, Екатеринослав., Оренбургская — Болѣе 20%.	26 / 21,2 / 21,2	4.	Екатеринославская	72,1	Екатеринославская	16,2
		5.	Херсонская	58,2	Херсонская	40,5
		6.	Подольская	52,6	Подольская	15
Земля В. Донскаго.	19,1	7.	Смоленская	52,8	Смоленская	2,3
Кіевская, Тамбовская, Подольская, Воронежская, Казанская, Вятская, Полтавская, Пермская, Бессарабская — Отъ 19 до 13%.	18,2 / 17,1 / 17 / 16,1 / 15,6 / 15,1 / 14,8 / 13,8 / 13,7	8.	Гродненская	49,7	Гродненская	—2,1
		9.	Тверская	46,8	Тверская	5
		10.	Минская	47	Минская	—1,2
		11.	Полтавская	46,7	Полтавская	12,6
		12.	Харьковская	45,5	Харьковская	32,9
		13.	Пермская	44,1	Пермская	12,7
		14.	Черниговская	40,1	Черниговская	4,2
		15.	Костромская	39	Костромская	1
		16.	Волынская	38,8	Волынская	4,8
Новгородская, Архангельская, Вологодская, Ковенская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Лифляндская, Могилевская, Виленская — Отъ 13 до 5%.	13 / 12,8 / 12,5 / 12,5 / 12,1 / 11,4 / 10,6 / 10,6 / 10,6 / 9,8	17.	Тамбовская	37,6	Тамбовская	15,7
		18.	Витебская	36,5	Витебская	2,5
		19.	Бессарабская	36	Бессарабская	9,4
		20.	Оренбургская	35,9	Оренбургская	-14,8
		21.	Пензенская	35,1	Пензенская	8,7
		22.	Кіевская	34,6	Кіевская	16,5
		23.	Казанская	34,1	Казанская	14,5
		24	Виленская	24,2	Виленская	8,4
		25.	Эстляндская	21,6	Эстляндская	1,8
Орловская, Нижегородская, Курляндская, Тверская, Волынская, Черниговская, Псковская, Олонецкая, Витебская, Курская — Отъ 13 до 5%.	8,9 / 9,3 / 8,2 / 7,5 / 7,2 / 6,8 / 6,8 / 6,4 / 5,9 / 5,7	26.	Орловская	20,2	Орловская	7,9
		27.	Астраханская	20,7	Астраханская	102,7
		28.	Вятская	21,1	Вятская	14,9
		29.	Тульская	17,9	Тульская	2
		30.	Лифляндская	17,6	Лифляндская	9,7
		31.	Олонецкая	17,4	Олонецкая	5,7
		32.	Нижегородская	16	Нижегородская	8,9
		33.	Владимірская	13,9	Владимірская	3,2
		34.	Рязанская	13	Рязанская	2,7
		35.	Саратовская	11,4	Саратовская	-11,5
Смоленская, Владимірская, Эстляндская, Рязанская, Тульская, Московская, Гродненская, Костромская, С.-Петербургс., Минская — Отъ 5 до 2%.	4,9 / 3,8 / 3,6 / 3,3 / 3,3 / 2,5 / 2,7 / 2,5 / 2,2 / 2,1	36.	Ярославская	9,9	Ярославская	0,8
		37.	Вологодская	9,2	Вологодская	12,7
		38.	С.-Петербургская	7,9	С.-Петербургская	—3,2
		39.	Московская	6,6	Московская	1
		40.	Архангельская	5,3	Архангельская	13,6
		41.	Псковская	4,8	Псковская	6,9
		42.	Таврическая	4,5	Таврическая	-11,5
		43.	Курская	3,5	Курская	5,8
		44.	Воронежская	1,1	Воронежская	16,3
		45.	Симбирская	28,9	Симбирская	0,9
		46.	Земля В. Донскаго.	—9,7	Земля В. Донскаго.	19,7
		47.	Курляндская	—2,7	Курляндская	9,8
Ярославская, Таврическая, Калужская — Отъ 2 до 0.	0,8 / 8,7 / 1,1	48.	Калужская	—1,5	Калужская	—1,1

78724

Табл. № 3.

Таблица городскаго и сельскаго населенія

ВЪ 1850 И 1862 ГОДАХЪ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПРИРОСТА ТОГО И ДРУГАГО ВЪ ТЕЧЕНІЕ 12 ЛѢТЪ.

(Знакъ — *означаетъ дефицитъ*).

Губерніи.	Сельское населеніе.				Городское населеніе.			
	въ 1850 г.	въ 1862 г.	Абсолютный приростъ его въ теченіе 12 лѣтъ.	Процентное отношеніе.	въ 1850 г.	въ 1862 г.	Абсолютный приростъ его въ теченіе 12 лѣтъ.	Процентное отношеніе.
Архангельская	224,800	255,579	30,779	13,6	27,200	28,665	1,465	5,3
Астраханская	155.300	314,832	159.532	102,7	51,700	62,407	10,707	20,7
Бессарабская	755.400	826,939	71,539	9,4	146,600	199,414	52,814	36
Виленская	743,500	806,185	62.685	8,4	75 500	93,808	18,308	24,2
Витебская	658,900	675,567	16.667	2,5	74.100	101,172	27,072	36.5
Владимірская	1.100.600	1.136,426	35,826	3,2	70,400	80,193	9.793	13,9
Вологодская	825,300	930,269	104,969	12,7	40,700	44,454	3,754	9.2
Волынская	1.389,800	1.456,684	66,884	4,8	105,200	146,041	40.841	38,8
Воронежская	1.585,500	1.844,672	259.122	16,3	83,450	93,441	9.991	1,1
Вятская	1.885,000	2.167,396	282,396	14,9	43.900	53,205	9,305	21,1
Гродненская	786,700	769.461	—17,239	— 2,1	83,300	124,733	41,433	49,7
Земля Войска Донскаго	778,000	931,626	153,626	19,7	20,000	18,056	— 1,944	— 9,7
Екатеринославская	906,600	1.054,267	147.667	16,2	87,400	150,484	63.084	72,1
Казанская	1.311,100	1.501,259	190,159	14,5	78,900	105,863	26,963	34,1
Калужская	882,200	872,416	— 9,784	— 1,1	93,800	92,380	— 1,420	— 1,5
Кіевская	1.534,200	1.787,564	253,364	16,5	166,880	224,531	57,731	34,6
Ковенская	887,300	967,567	80,267	9	47,700	84,597	36,897	77,3
Костромская	1.005,800	1.016,691	10,891	1	41,200	57.280	16,080	39
Курляндская	465,800	511,424	45,624	9,8	64,200	62,432	— 1,768	— 2,7
Курская	1.612,200	1.707,131	94.931	5,8	115,800	119,937	4.137	13,5
Лифляндская	740,200	812,605	72,405	9,7	95,800	112,670	16,870	7,6
Минская	910.400	899.007	—11,393	— 1,2	69,600	102,328	32,728	47
Могилевская	783,100	822,481	39,381	5	51,900	101,599	49,699	95,7
Московская	1.132,500	1.144,709	12,209	1	393,500	419,531	26,031	6,6
Нижегородская	1.100,700	1.198,984	98,284	8,9	74,300	86,212	11,912	16
Новгородская	857,500	938,806	81,306	9,4	32,500	67,487	34,987	107,6
Олонецкая	261,600	276,739	15,139	5,7	16,900	19,854	2,954	17,4
Оренбургская	2.071,700	1.764,126	—307,574	—14,8	58,300	79,245	20,945	35,9
Орловская	1.276,400	1.377,821	101,421	7,9	129,600	155,798	26,198	20,2
Пензенская	990,000	1.076,388	86,388	8,7	76,000	102,692	26,692	35,1
Пермская	1.816,900	2.049,037	232,887	12,7	62,100	89,511	27.411	44,1
Подольская	1.510,600	1.638,487	227,767	15	85,400	130,370	44,970	52,6
Полтавская	1.558,000	1.754,395	196,395	12,6	107,000	157,047	50,047	46,7
Псковская	630,800	674,647	43,847	6,9	42,200	44,260	2,060	4,8
Рязанская	1.294,700	1.330,665	35,965	2,7	77,300	87,628	10,328	13
Самарская	—	1 614,776	—	—	—	76,003	—	—
С.-Петербургская	553,000	535,272	— 17,728	— 3,2	592,000	638,902	46,902	7,9
Саратовская	1.679,000	1.485,747	—193,253	—11,5	182,000	202,814	20,814	11,4
Симбирская	1.097,200	1.107,184	9,984	0,9	105.800	76,128	29,672	2,8
Смоленская	1.029,500	1.053,936	24,436	2,3	54.500	83.276	28,776	52,8
Таврическая	550,500	487,348	— 63,452	—11,5	114,200	119,435	5,235	4,5
Тамбовская	1.573,900	1.821,661	247,761	15,7	111,100	152,923	41,823	37,6
Тверская	1.324,600	1.391,166	66,566	5	86,400	126,911	40,511	46,8
Тульская	1.023,800	1.044,927	21,127	2	91,200	107,543	16,343	17,9
Харьковская	1.048,600	1.393,896	345.296	32.9	135,400	197,030	61,630	45,5
Херсонская	701,300	985,534	284,234	40,5	217,700	344.604	126,904	58,2
Черниговская	1.291,700	1.346,798	55,098	4,2	100,300	140,574	40.274	40,1
Эстляндская	273,600	278,560	4,960	1,8	28,400	34,559	6,159	21,6
Ярославская	881,800	882,589	789	0,08	79,200	87,053	7,853	9,9

Таб. № 4.

Таблица городскаго населенія Европейской Россіи.

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ЧИСЛА ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ГУБЕРНСКИХЪ ГОРОДАХЪ И УѢЗДАХЪ И ПРОЧ.

ГУБЕРНСКІЕ ГОРОДА.	Населеніе въ 1862 году.			Городская земля (въ десятинахъ).	Городскіе доходы (въ рублях).	Количество городскихъ доходовъ, приходящихся на каждаго жителя губернскаго города.		Уѣздные города каждой губерніи всѣ вмѣстѣ.	Населеніе въ 1862 году.	Городскіе доходы.	Количество городскихъ доходовъ, приходящихся на каждаго жителя уѣзднаго города.	
	Муж. п.	Жен. п.	Итого.			Р.	К.				Р.	К.
1. Архангельскъ	10,278	9,900	20,178	5,656	93,536	4	10	Архангельская	8,487	14,726	1	73
2. Астрахань	22,228	20,604	42,832	4,744	165,690	3	86	Астраханская	19,575	22,661	1	15
3. Кишиневъ	52,670	41,454	94,124	3,330	55,715	—	59	Бессарабская	105,290	40,963	—	39
4. Вильна	35,844	33,620	69,464	2,619	96,800	1	39	Виленская	24,344	23,685	—	97
5. Витебскъ	13,301	14,567	27,868	396	21,204	—	76	Витебская	73,304	56,649	—	77
6. Владиміръ	8,623	6,035	14,658	3,075	21,880	1	49	Владимірская	65,535	97,509	1	48
7. Вологда	10,121	8,863	18,984	1,621	28,913	1	51	Вологодская	25,470	35,672	1	44
8. Житоміръ	18,671	19,736	38,407	5,591	26,935	—	69	Волынская	88,930	39,567	—	44
9. Воронежъ	22,396	18,571	40,967	3,787	73,801	1	80	Воронежская	52,474	73,443	1	39
10. Вятка	8,742	5,963	14,705	1,903	26,266	1	78	Вятская	38,500	60,512	1	57
11. Гродно	13,914	12,273	26,187	953	14,809	—	56	Гродненская	98,546	40,625	—	41
12. Новочеркаскъ	9,638	8,418	18,056	45,741	14,569	—	80	Донскаго Войска.	18,056	14,569	—	80
13. Екатеринославль	10,285	9,623	19,908	4,701	23,892	1	20	Екатеринославск.	130,576	222,529	1	70
14. Казань	36,837	27,247	63,084	13,118	160,162	2	68	Казанская	41,559	89,409	2	17
15. Калуга	18,254	16,414	34,668	3,795	68,096	1	96	Калужская	57,712	73,975	1	28
16. Кіевъ	38,465	29,959	68,424	8,190	203,052	2	96	Кіевская	156,107	152,944	—	98
17. Ковно	13,099	10,838	23,837	3,679	26,912	1	12	Ковенская	60,660	21,883	—	36
18. Кострома	11,546	9,869	21,415	3,177	35,368	1	65	Костромская	34,814	64,390	1	87
19. Митава	11,149	11,641	22,790	св. нѣтъ	49,533	2	16	Курляндская	35,621	90,832	2	54
20. Курскъ	15,459	13,106	28,565	5,054	78,221	2	13	Курская	91,372	79,004	—	86
21. Рига	42,149	35,319	77,468	св. нѣтъ	957,312	12	35	Лифляндская	32,930	144,490	3	47
22. Минскъ	17,070	13,079	30,149	5,367	22,797	—	75	Минская	72,179	26,971	—	37
23. Могилевъ	26,537	21,668	48,205	5,000	39,829	—	82	Могилевская	53,394	34,346	—	64
24. Москва	218,937	132,672	351,609	6,674	1.869,324	5	31	Московская	67,922	105,733	1	57
25. Нижній-Новгородъ	24,190	17,353	41,543	3,505	210,684	5	7	Нижегородская	44,669	47,573	1	6
26. Новгородъ	11,283	6,382	17,665	1,318	29,812	1	68	Новгородская	49,822	107,554	2	15
27. Петрозаводскъ	5,785	5,646	11,431	6,263	17,940	1	56	Олонецкая	8,423	24,509	2	90
28. Оренбургъ	15,930	11,663	27,593	15,960	33,152	1	20	Оренбургская	62,785	27,693	—	44
29. Орелъ	19,263	15,710	34,973	5,023	79,379	2	26	Орловская	120,825	135,637	1	12
30. Пенза	14,606	12,657	27,263	2,970	28,577	1	48	Пензенская	75,429	39,224	—	52
31. Пермь	9,949	9,291	19,240	св. нѣтъ	25,073	1	30	Пермская	70,271	90,416	1	28
32. Каменецъ-Подольскъ	11,091	9,608	20,699	3,910	29,830	1	44	Подольская	109,671	90,909	—	82
33. Полтава	18,217	13,129	31,346	1,589	141,980	4	52	Полтавская	125,701	97,010	—	77
34. Псковъ	10,077	6,730	16,807	2,253	18,531	1	9	Псковская	27,453	46,634	1	69
35. Рязань	11,716	10,563	22,279	1,087	21,387	—	96	Рязанская	65,349	59,288	—	90
36. Самара	19,846	14,285	34,131	6,161	76,664	2	21	Самарская	41,873	63,118	1	50
37. Петербургъ	318,060	221,412	539,472	8,629	3.061,946	5	51	С.-Петербургская	99,427	156,868	1	57
38. Саратовъ	45,449	38,942	84,391	81,098	120,501	3	42	Саратовская	117,675	119,649	1	1
39. Симбирскъ	13,826	11 011	24,837	19,943	85,442	3	44	Симбирская	51,291	46,076	—	89
40. Смоленскъ	12,744	10,347	23,091	4,289	20,963	—	90	Смоленская	60,185	60,258	1	—
41. Симферополь	9,101	7,960	17,061	2,465	16,786	—	98	Таврическая	75,683	182,173	2	40
42. Тамбовъ	20,601	15,428	36,029	4,403	33,438	—	92	Тамбовская	115,894	121,376	1	4
43. Тверь	16,119	12,409	28,528	2,316	29,256	1	60	Тверская	98,383	118,834	1	20
44. Тула	28,782	27,957	56,739	6,174	48,256	—	85	Тульская	50,804	63,926	1	25
45. Уфа	8,468	7,992	16,460	6,698	28,403	1	73					
46. Харьковъ	28,013	24,003	52,016	4,548	185,199	3	56	Харьковская	138,475	92,758	—	66
47. Херсонъ	22,796	17,373	40,169	22,462	75,531	1	88	Херсонская	233,592	1.330,750	5	69
48. Черниговъ	7,306	3,323	10,629	1,170	18,659	1	75	Черниговская	121,495	57,136	—	47
49. Ревель	17,408	12,026	29,434	св. нѣтъ	42,270	1	9	Эстляндская	5,095	13,688	2	68
50. Ярославль	15,098	12,643	27,741	2,843	62,437	2	25	Ярославская	59,312	198,189	3	34

Табл. № 5.

Фабрики и заводы.

	Общее количество. ФАБРИКЪ.	РАБОЧИХЪ.	Сумма производства.
1. С.-Петербурская	562	37,688	57.705,233
2. Московская	1,027	75,315	55.813,021
3. Владимірская	323	51,462	25.360,027
4. Херсонская съ Одесскимъ градонач.	248	5,307	6.581,227
5. Тверская	413	662 (?)	6.059,930
6. Пермская	458	8,470	5.865,703
7. Костромская	411	8,132	5.671,342
8. Лифляндская	103	8,409	5.616,805
9. Ярославская	296	5,016	5 532,610
10. Калужская	236	9,428	4.426,392
11. Кіевская	125	2,470	4.273,272
12. Рязанская	220	6,378	4.050,404
13. Казанская	217	4,443	3.882,384
14. Нижегородская	628	14,489	3.784,669
15. Курская	240	3,528	3.009,067
16. Гродненская	170	5,112	2.884,742
17. Симбирская	110	10,948	2.838,363
18. Самарская	260	4 414	2.781,177
19. Вятская	189	10,274	2.682,522
20. Тамбовская	199	11,281	2.671,589
21. Орловская	250	4.605	2.664,151
22. Черниговская	191	5,768	2.362,405
23. Харьковская	207	4.348	2.303,918
24. Эстляндская	12	1,807	2.214,480
25. Тульская	212	5,028	2.157,795
26. Оренбургская	305	8,242	2.150,663
27. Новгородская	139	2.316	2.146,162
28. Псковская	212	1,879	2.096,194
29. Волынская	472	2,985	2.016,948
30. Екатеринославская съ Таганрогскимъ град.	240	2,212	1.901,467
31. Пензенская	85	9,096	1.897,189
32. Саратовская	275	7,627	1.815,617
33. Воронежская	466	2.781	1.526,915
34. Олонецкая	177	951	1.171,586
35. Могилевская	240	1,882	878,430
36. Архангельская	570	1,321	767,971
37. Таврическая съ Керченскимъ град.	152	1,361	707,963
38. Вологодская	131	2,557	700 051
39. Подольская	258	1.094	683,277
40. Полтавская	156	1,392	620,394
41. Смоленская	175	1.340	572,960
42. Виленская	48	1.421	479,436
43. Минская	37	815	425,455
44. Бессарабская	97	352	207,099
45. Витебская	109	484	193,037
46. Курляндская	25	269	143,517
47. Астраханская	54	301	137.147
48. Земля Войска Донскаго	24	70	79.947
49. Ковенской	71	293	71,991
Всего въ Европейской Россіи	11,810	357,835	247.613,845

Табл. № 6.

Статистическая таблица мужской части сельскаго населенія, принадлежавшаго къ крѣпостному состоянію въ 1834.

Губерніи.	Общее число мужск. населенія.	Мужск. крѣпостное населеніе.	Число крѣпости. крестьянъ на 100 т. муж. населенія.
Архангельская	110,800	72	65
Бессарабская	353,000	7,271	2,060
Вятская	721,700	18,404	2,550
Кавказская область	244,200	7,668	3,140
Астраханская	143,600	5,256	3,660
Олонецкая	112,700	6,117	5,430
Таврическая	265,200	17,425	6,570
Оренбургская	865,300	115,775	13,380
Казанская	583,300	97,467	16,710
Вологодская	359,200	94,836	27,400
Пермская	707,900	218,664	30,890
Земля Войска Донскаго	320,100	103,500	32,330
Харьковская	659,100	226,136	34,310
Воронежская	734,300	258,244	35,170
Херсонская	392,400	151,430	38,590
Екатеринославская	396,200	155,827	39,330
Полтавская	809,400	337,027	41,640
Саратовская	774,700	328,297	42,380
Ковенская	409,200	175,773	42,950
Симбирская	589,900	262,336	44,470
Черниговская	647,000	290,390	44,880
Курская	769,200	356,812	46,390
Тамбовская	779,800	372,066	47,710
Новгородская	403,500	194,158	48,120
Гродненская	405,500	196,403	48,430
Московская	616,500	318 608	51,680
Виленская	386,100	201,407	52,160
Пензенская	485,600	259,798	53,500
С.-Петербургская (1)	253,100	135,531	53,540
Орловская	670,300	377,085	56,260
Тверская	618,000	357,500	57,850
Псковская	342,200	206,269	60,280
Подольская	753,200	462,750	61,440
Владимірская	535,800	335,495	62,610
Минская	467,800	293,054	62,650
Рязанская	615,800	390,738	63,450
Витебская	375,100	238,539	63,600
Волынская	705,700	451,498	63,980
Костромская	456,500	298,716	65,430
Нижегородская	509,700	340,752	66,850
Ярославская	429,100	287,026	66,890
Кіевская	733,100	504,589	68,830
Калужская	455,500	314,185	68,970
Могилевская	423,300	299,130	70,670
Смоленская	517,400	379,603	73,370
Тульская	552,300	416,366	75,390
Итого	23.459,035	10.865,993	46,318

Пробѣжавъ представленную нами таблицу прибыли народонаселенія въ Европейской Россіи въ теченіе 12 лѣтъ (1850—1862), читатель увидитъ, какая невѣроятно громадная разница существуетъ у насъ въ движеніи его по разнымъ губерніямъ. Часто въ мѣстностяхъ, находящихся, повидимому, въ совершенно одинаковыхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, при полномъ при этомъ однообразіи условій общественныхъ, получаются результаты неожиданно противоположные. Такъ въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской и Курской, лежащихъ рядомъ, въ одной и той же самой плодороднѣйшей полосѣ Россіи, населеніе первой дало 34, 3% прибыли, населеніе второй 14, 8%, а третьей только 5, 7%. Такъ изъ другихъ трехъ губерній, лежащихъ также рядомъ и въ полосѣ также одинаковой, хотя и меньшей плодородности сравнительно съ первою, Кіевская дала 18,2% населенія, Волынская 7,2%, Черниговская только 6,8%. Такъ наконецъ изъ шести губерній: Рязанской, Тульской, Виленской, Костромской, Астраханской, Новгородской, изъ которыхъ первыя двѣ лежатъ въ полосѣ очень плодородной, вторыя двѣ въ посредственной, и послѣднія двѣ въ самой бѣдной и неблагодарной, Астраханская дала 41,8% прибыли, Новгородская 13%, Виленская около 9,8%, Рязанская и Тульская только 3, 3%, а Калужская даже убыль на 1,1%.

Если статистическія цифры собираются не для празднаго любопытства, а для цѣлей и интересовъ практическихъ, въ чемъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, то на указанную нами аномалію въ движеніи нашего народонаселенія должно быть обращено серьёзное вниманіе всего нашего общества.

Правда, у Тенгоборскаго нѣкоторымъ образомъ нормальнымъ процентомъ для увеличенія народонаселенія Россіи во всей его совокупности признается 1% въ годъ, и такой нормѣ, повидимому, удовлетворяетъ представленная нами таблица движенія народонаселенія въ Россіи въ теченіе 12 лѣтъ.

Ибо 55.248,000 душъ, изъ которыхъ состояло это народонаселеніе, дали въ теченіе 12 лѣтъ 5.651,000 душъ. Но изъ той же самой таблицы видно, что ежегодная однопроцентная прибыль населенія никакъ не можетъ быть признана для Россіи нормальною. Ибо если такія губерніи, какъ Вологодская, Новгородская, Архангельская, лежащія въ самой бѣдной и неблагодарной полосѣ Россіи какъ по непроизводительности почвы, такъ и по суровости климата, даютъ болѣе 1% прибыли населенія въ годъ, то нѣтъ никакихъ причинъ, чтобы другія губерніи, находящіяся въ гораздо лучшихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, давали менѣе 1% въ годъ. А между тѣмъ такихъ губерній, въ числѣ разсматриваемыхъ нами 49 губерній Европейской Россіи, насчитывается болѣе 20! Замѣтимъ при этомъ, что 1% прибыли народонаселенія даетъ каждогодно Финляндія, страна, которая ни по почвеннымъ, ни по климатическимъ условіямъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ Россіей, что болѣе 1% даетъ каждогодно

Австрія, Пруссія, Великобританія,—страны, которыхъ натуральныя и экономическія условія въ общемъ если не менѣе, то никакъ не болѣе благопріятны для движенія народонаселенія, чѣмъ въ Россіи.

Во Франціи въ 1866 году происходила новая перепись народонаселенія. По обнародованнымъ результатамъ ея оказалось, что со времени переписи 1861 года, въ теченіе пяти лѣтъ, народонаселеніе старинныхъ 86 департаментовъ увеличилось менѣе чѣмъ на половину процента (0,4). Такой недочетъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ средѣ ученыхъ экономистовъ и статистиковъ Франціи и послужилъ поводомъ къ тщательному изслѣдованію и разсмотрѣнію причинъ подобнаго явленія.

Россія имѣетъ болѣе причинъ, нежели Франція или какая бы то ни была страна въ Европѣ дорожить своимъ народонаселеніемъ. Ибо въ Россіи оно при видимой его многочисленности въ общей цифрѣ такъ рѣдко, такъ несоразмѣрно съ пространствомъ, какъ нигдѣ въ Европѣ. А между тѣмъ съ успѣхами его неразрывно связаны успѣхи цивилизаціи.

Императрица Екатерина справедливо говоритъ въ своемъ «Наказѣ», что «при великомъ благополучіи государства легко умножается число гражданъ» (ст. 272) и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо замѣчаетъ, что нигдѣ нѣтъ бо́льшаго небреженія по этому предмету, какъ у насъ. «Мужики — говоритъ «Наказъ» — большею частію имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати и двадцати дѣтей изъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть ихъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непремѣнно тутъ долженъ быть какой нибудь порокъ или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства. Какое цвѣтущее состояніе было бы сей державы, еслибы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу!»

Точно опредѣлить причины, задерживающія нормальное движеніе народонаселенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ настоящее время совершенно невозможно по неимѣнію нужныхъ для того разностороннихъ статистическихъ данныхъ. Но указать нѣкоторыя изъ этихъ причинъ приблизительно въ ихъ болѣе общемъ видѣ,—мы думаемъ, есть возможность и при имѣющихся статистическихъ данныхъ.

Разсматривая таблицу прибыли народонаселенія (№ 2) въ Россіи мы видимъ, что самый большой процентъ народонаселенія, именно болѣе 1% въ годъ, дали 21 губернія. Въ число этихъ губерній вошли главнымъ образомъ губерніи, имѣющія отличную и очень хорошую почву земли. Но сюда попали нѣсколько губерній только съ хорошею почвою земли, напримѣръ, Пермская, и даже съ почвою земли совершенно бѣдною и неблагодарною для земледѣлія, каковы напримѣръ губерніи Новгородская, Архангельская, Астраханская, Вологодская.

Въ разрядъ слѣдующихъ 13 губерній, давшихъ не менѣе ½% ежегоднаго прироста населенія, вошли четыре губерніи съ поч-

вою отличною и очень хорошею, какъ-то губерніи: Симбирская, Пензенская, Волынская, Черниговская, Орловская, *двѣ* съ почвою хорошею—Могилевская, Нижегородская, *три* съ посредственною—Лифлядская, Виленская, Курляндская и *три* съ плохою—Тверская, Псковская, Олонецкая.

Изъ слѣдующихъ 7 губерній, давшихъ не менѣе 1/4 % годоваго прироста народонаселенія, *три* имѣютъ почву отличную и очень хорошую, именно Курская, Рязанская, Тульская, и *четыре* посредственную—Витебская, Смоленская, Владимірская, Эстляндская.

Далѣе пять губерній: *двѣ* съ хорошею почвою—Гродненская и Минская, *двѣ* съ посредственною—Московская и Костромская, наконецъ *одна* съ плохою—Петербургская дали немного болѣе 1/6 % ежегоднаго прироста народонаселенія.

Наконецъ двѣ губерніи съ посредственною почвою, Ярославская и Калужская, дали приросту: Ярославская—менѣе 1/12 и Калужская—болѣе 1/12 дефициту.

Изъ сдѣланнаго нами разсмотрѣнія читатель видитъ, что самый плохой процентъ народонаселенія даютъ всѣ губерніи, сосредоточивающіяся около Москвы. Выходитъ чѣмъ-то въ родѣ правила, что чѣмъ ближе какая нибудь губернія подвигается къ Москвѣ, тѣмъ болѣе уменьшается процентъ прироста ея народонаселенія. Никакое плодородіе не спасаетъ губерніи отъ этой неизбѣжной судьбы. Губерніи, имѣющія посредственную почву, даютъ или дефицитъ, какъ Калужская, или менѣе 1/6, 1/4 процента, какъ Ярославская, Костромская, Московская, или же не болѣе 1/2 въ годъ, какъ Смоленская и Владимірская. Въ числѣ послѣднихъ, т.-е. дающихъ не болѣе 1/2 въ годъ, входятъ три губерніи даже съ отличною и очень хорошею почвою, какъ-то: Тульская, Рязанская, Курская.

Изъ этой общей участи подмосковныхъ губерній выдѣляются только губерніи: Орловская съ очень хорошею почвою, Нижегородская съ хорошею, и Тверская съ плохою. И то какъ выдѣляются? Даютъ только болѣе 1/2 %, но менѣе 1% въ годъ.

Петербургъ не тяготѣетъ такъ несчастно надъ лежащими близь него губерніями. Такъ губернія Новгородская, несмотря на плохую почву, дала болѣе 1% въ годъ прироста наряду съ плодороднѣйшими губерніями. Губерніи Псковская, Олонецкая также съ плохою почвою дали не менѣе 1/2 % въ годъ, только сама Петербургская губернія дала, наряду съ Московской, немного болѣе 1/6 %.

Правда, губерніи, лежащія около Москвы, всѣ болѣе или менѣе густо населены, тогда какъ губерніи, лежащія около Петербурга, далеко не имѣютъ такой населенности, что въ отношеніи къ движенію народонаселенія имѣетъ весьма важное значеніе въ такихъ странахъ, какъ наша, гдѣ врачебное искуство для крестьянъ почти не существуетъ и гдѣ родитъ и хоронитъ всѣхъ сама мать природа. Но за то какая разница въ плодородіи губерній, лежащихъ около Москвы и около Петербурга. Около Москвы одна только

губернія съ плохою почвою — это Тверская, которая, замѣтимъ здѣсь между прочимъ, даетъ большій остальныхъ процентъ, остальныя всѣ съ отличною и очень хорошею почвою, или хорошею и посредственною. Около Петербурга всѣ губерніи съ плохою почвою. Далѣе и населенность многихъ губерній около Москвы съ очень хорошею почвою, напримѣръ Рязанской, Орловской, Тульской вовсе не очень значительна. Есть губерніи, которыя при совершенно такой же почвѣ и при одинаковой населенности даютъ процентъ населенія самый высокій, напримѣръ Кіевская. Наконецъ изъ самыхъ около-петербургскихъ губерній, Псковская, напримѣръ, губернія населена гуще Костромской и имѣетъ землю не посредственную, какъ послѣдняя, а плохую, однакожъ даетъ процентъ прироста населенія значительно бо̀льшій, нежели Костромская.

Ясно, что дѣло тутъ не въ одной населенности. Должны быть другія причины, задерживающія правильное движеніе народонаселенія въ указанныхъ нами губерніяхъ.

Прежде нежели обратимся къ этимъ причинамъ, мы должны разсмотрѣть одно подобное же вышеуказанному нами явленіе.

Какъ около Москвы всѣ губерніи даютъ самый плохой процентъ населенія, такъ точно то же самое примѣчается и во всѣхъ губерніяхъ нашего западнаго, въ особенности сѣверо-западнаго края. Почти всѣ онѣ даютъ приростъ населенія очень ничтожный: Витебская менѣе $^1/_2$ %, Гродненская и Минская немного болѣе $^1/_6$ %, Могилевская, Виленская, Волынская болѣе $^1/_2$ %, но менѣе процента. Правда, изъ исчисленныхъ нами губерній ни одна не имѣетъ особеннаго плодородія, но за то ни одной нѣтъ и съ совершенно плохою почвою. Губернія Волынская съ почвою очень хорошею, губерніи: Могилевская, Минская, Гродненская имѣютъ хорошую почву, Виленская и Витебская посредственную. У насъ многіе склонны будутъ думать, что ненормальное движеніе народонаселенія происходитъ въ этихъ губерніяхъ отъ преобладающаго здѣсь польскаго господства. Такое мнѣніе едва-ли однакожъ выдержитъ строгую критику. Черниговская губернія, имѣющая очень хорошую почву, т.-е. гораздо лучшую, чѣмъ Могилевская и т. т. и особенно чѣмъ Виленская, дала однакожъ процентъ населенія меньшій послѣднихъ. Однакожъ въ Черниговской губерніи поляковъ вовсе не имѣется. Губерніи Подольская и Кіевская, изъ которыхъ первая имѣетъ поляковъ болѣе 200 т., а вторая около 100 т., дали такой приростъ народонаселенія, какой дали только немногія изъ нашихъ губерній съ одинаковою отличною почвою. Вообще трудно отыскать какую бы то ни было связь между тѣмъ или другимъ содержаніемъ польскаго элемента въ извѣстной губерніи и тѣмъ или другимъ движеніемъ народонаселенія въ ней, какъ читатель самъ легко можетъ убѣдиться изъ прилагаемой нами этнографической таблицы западныхъ губерній, взятой нами изъ этнографическаго атласа Эккерта. Таблица эта составлена по свѣдѣніямъ 1858 года.

*

Этнографическая и статистическая таблица.

Названія областей.	Число жителей.	Поляковъ.	Русскихъ.	Нѣмцевъ.	Литовцевъ и латышей.	Евреевъ.	Разныхъ націй.	Число жит. на 1 кв. милю.
Польша.	4.800,000	3.510,000	240,000	240,000	215,000	595,000	500	2,075
Курляндская губ. .	567,000	13,000	16,000	58,000	450,000	280,000	2,000	1,147
Ковенская	947,000	30,000	16,000	14,000	786,000	100,000	600	1,248
Виленская	857,000	212,000	178,000	900	386,000	77,000	2,800	1,117
Гродненская	836,000	270,000	462,000	6,000	300,000	94,000	1,300	1,209
Минская..	1.000,000	180,000	726,000	500	—	91,000	2,500	616
Витебская.	733,000	75,000	444,000	2,000	140,000	64,000	8,000	906
Могилевская	868,000	40,000	721,000	400	—	107,000	200	981
Волынская	1.477,000	170,000	1.118,000	4,800	—	184,000	300	1,147
Кіевская	1.831,000	75,000	1.529,000	1,600	—	225,000	800	1,994
Камен. Подольск. .	1.684,000	205,000	1.240,000	1,800	—	196,000	41,000	2,178
	10.800,000	1.220,000	6.470,000	90,000	1.795,000	1,166,000	59,000	1,199
	15·600,000	4.780,000	6.690,000	330,000	1.980,000	1.761,000	59,000	1,378

Примѣчаніе: Эти *приблизительныя* цифры относятся къ 1858 году; для русск. облас. взяты среднія цифры населенія, составленныя на основаніи тѣхъ, которыя опубликованы стат. комитетомъ мин. внутр дѣлъ и которыя находятся въ отчет. Духовн. вѣдом. Военные вездѣ исключены.

Таблица эта показываетъ, что народонаселеніе ничуть не лучше прирастало въ тѣхъ изъ западныхъ губерній, гдѣ содержаніе русскаго элемента въ сравненіи съ польскимъ было очень значительно. Такъ изъ губерній, имѣвшихъ очень значительное русское народонаселеніе, дали приростъ именно *сельскаго* народонаселенія, которое въ этомъ случаѣ принимается въ особенный разсчетъ, очень неважный — Витебская дала 2,5%, Могилевская 5, Волынская 4,8, а Минская и Гродненская даже дефицитъ. Между тѣмъ Виленская губернія, въ которой польскаго населенія считалось 212.000, а русскаго только 178.000, дала приростъ сельскаго населенія 8,4%.

Какъ надъ губерніями подмосковными, такъ и надъ губерніями сѣверо-западными тяготѣлъ одинъ общій гнетъ, задерживавшій въ нихъ развитіе народонаселенія—это крѣпостное право. Сильнѣе отразился этотъ гнетъ надъ ними, чѣмъ надъ всѣми другими губерніями, потому что и подмосковныя и сѣверо-западныя губерніи самыя древнія губерніи въ Россіи — мѣста заселенія древней польской или московской цивилизаціи. Крѣпостное право вошло въ нихъ раньше, чѣмъ въ мѣста новыхъ заселеній, разрослось шире, въѣлось глубже. Чтобы убѣдиться въ этомъ, читателю стоитъ только взглянуть на таблицу *крѣпостнаго населенія* (см. № 6). Изъ нея читатель увидитъ, что процентный приростъ нашего населенія по губерніямъ почти вполнѣ совпадаетъ съ процентнымъ содержаніемъ въ этихъ губерніяхъ крѣпостнаго населенія. Чѣмъ менѣе было крѣпостныхъ въ губерніи, тѣмъ бо̀льшій она давала приростъ народонаселенія. При ничтожности крѣпостнаго элемента въ губерніи, удовлетворительный процентъ населенія получался даже въ губерніяхъ съ самою бѣдною почвою и суровымъ климатомъ. Потому-то и благоденствовали всѣ наши окраинныя губерніи—и южныя, и восточныя, и сѣверныя, позже заселившіяся и неуспѣвшія относительно сильно пропитаться крѣпостнымъ элементомъ. И на оборотъ, только особенное продородіе и случайныя выгоды географическаго положенія, спасали нѣсколько губернію, если крѣпостное населеніе становилось въ ней слишкомъ сильнымъ. Содержаніе крѣпостнаго элемента въ нашихъ губерніяхъ простиралось отъ 2% до 75%. Самый меньшій процентъ въ приростѣ народонаселенія давали тѣ изъ этихъ губерній, въ которыхъ процентъ крѣпостнаго элемента былъ наименьшій. Мы уже знаемъ тѣ 27 губерній, которыя давали наименьшій процентъ народонаселенія. А вотъ, по таблицѣ крѣпостнаго населенія 26 губерній съ наисильнѣйшимъ процентомъ крѣпостнаго населенія, начиная отъ 44,8% до 75%: 1) Черниговская, 2) Курская, 3) *Тамбовская*, 4) *Новгородская*, 5)

Гродненская, 6) Московская, 7) Виленская, 8) Пензенская, 9) С.-Петербургская, 10) Орловская, 11) Тверская, 12) Псковская, 13) *Подольская*, 14) Владимірская, 15) Минская, 16) Рязанская, 17) Витебская, 18) Волынская, 19) Костромская, 20) Нижегородская, 21) Ярославская, 22) *Кіевская*, 23) Калужская, 24) Могилевская, 25) Смоленская, 26) Тульская.

Читатель видитъ, что это тѣ же самыя губерніи, которыя означены были нами. Въ наше исчисленіе не вошли только губерніи: Тамбовская, Новгородская, Кіевская и Подольская, между тѣмъ вошли губерніи, имѣвшія сравнительно меньшій процентъ крѣпостнаго населенія противу послѣднихъ. Это служитъ какъ будто нѣкоторымъ возраженіемъ противъ сдѣланнаго нами положенія. Ибо если губерніи съ такимъ сильнымъ содержаніемъ крѣпостнаго элемента, какъ Кіевская (68%), Подольская (61%), Новгородская (48%), Тамбовская (47%), изъ которыхъ притомъ Новгородская имѣетъ и очень плохую почву, могли давать хорошій приростъ населенія, то непонятно, почему бы крѣпостное право могло препятствовать давать такой же приростъ другимъ губерніямъ? На это мы должны отвѣтствовать, что на крѣпостное право мы смотримъ только, какъ на общій гнетъ, задерживавшій нормальное движеніе народонаселенія. Но кромѣ его были всюду мѣстныя причины, которыя могли уменьшить или увеличить силу этого гнета. Къ числу такихъ причинъ, ослабляющихъ вредное вліяніе крѣпостнаго права, принадлежало, между прочимъ, счастливое положеніе мѣстности, въ торговомъ или промышленномъ отношеніи. Новгородская губернія представляетъ именно одну изъ такихъ мѣстностей. Черезъ рѣку Мсту и Волховъ идутъ милльоны хлѣба, дровъ и т. п., въ Петербургъ; желѣзная дорога и пароходство по Волхову увеличили въ послѣднее время силу торговаго и промышленнаго движенія. Кромѣ того близость Петербурга даетъ многимъ крестьянамъ возможность добывать хорошіе заработки. Все это вмѣстѣ взятое было, по нашему мнѣнію, причиною, что Новгородская губернія, въ теченіе 1850 — 1862, несмотря на бѣдность своей почвы, дала удовлетворительный процентъ населенія. Мы не должны забывать при этомъ, что рѣчь идетъ здѣсь о такомъ времени, когда нетолько въ такихъ бѣдныхъ губерніяхъ, какъ Новгородская или Тверская, но даже въ губерніяхъ плодородныхъ, имѣнія большей части помѣщиковъ были прожиты и находились въ рукахъ ихъ только номинально, обремененныя безчисленными долгами, и когда, слѣдовательно, рынокъ находился въ дѣйствительномъ распоряженіи капиталистовъ изъ купечества или крестьянъ. Почти по той же самой причинѣ, то-есть счастливому положенію

въ промышленномъ и торговомъ движеніи, и Тверская губернія, несмотря на бѣдность своей почвы, дала лучшій процентъ населенія, чѣмъ другія подмосковныя губерніи, даже съ отличною почвою. Губерніи Тамбовская, Кіевская и Подольская обязаны большимъ благосостояніемъ своему плодородію, удобству мѣстъ сбыта (для Тамбовской—Москва, для Кіевской и Подольской — черноморскій портъ, царство Польское и Австрія), а потомъ, также, мы думаемъ, переходу значительной части капиталовъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки промышленниковъ. Намъ жаль, что мы не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ заложенныхъ съ 1850 до 1862 года помѣщичьихъ имѣній, чтобы провѣрить это наше предположеніе.

Какъ счастливыя торговыя и промышленныя условія могли облегчать и уменьшать для извѣстной мѣстности гнетъ крѣпостного права, такъ на оборотъ, отсутствіе этихъ условій въ той или другой мѣстности дѣлало гнетъ его болѣе сильнымъ и тяжкимъ. Въ отношеніи къ мѣстности въ этомъ случаѣ весьма важно было даже то или другое разстояніе той или другой губерніи отъ центровъ крѣпостнаго права. Не все равно было: находилась ли извѣстная губернія вблизи отъ Москвы или вдали отъ нея, равно какъ не все равно было: входила ли она въ составъ губерній сѣверо и югозападнаго края, или не входила. Какъ Москва была представительницею старинной барской интеллигенціи, такъ въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ вѣялъ духъ аристократической польской интеллигенціи. И трудно сказать, что̀ тяжелѣе падало на народъ. Нигдѣ традиціи барства и холопства не проникли такъ глубоко въ жизнь, не пропитали, такъ-сказать, всего нравственнаго существа ея, и не воплотились такъ рельефно во всѣхъ нравахъ, обычаяхъ, воззрѣніяхъ, какъ въ Москвѣ. Проникнувъ въ бо̀льшихъ или меньшихъ дозахъ во всѣ классы общества, и соединившись здѣсь съ русскимъ кулачествомъ и самодурствомъ, онѣ представляютъ собою такую чудную нравственную амальгаму, запахъ которой крѣпко бьетъ въ носъ всюду, не исключая даже науки и литературы. Если отношенія пана къ холопу были пропитаны феодальными воззрѣніями на человѣчество, то отношенія барина, воспитаннаго по московскимъ идеаламъ и традиціямъ, всегда отдавали нѣсколько монгольскимъ ошибомъ. Крѣпостное право новѣйшей, петербургской формаціи не могло уже имѣть такой монголовидности. Иностранное вліяніе, дѣловая жизнь, невольно порождали другія воззрѣнія. Исключенія, конечно, были вездѣ и, можетъ быть, очень нерѣдкія, но въ общемъ, все-таки мужику Псковской губерніи, самой близкой къ Петербургу, было легче жить, чѣмъ мужику губерніи Костромской, принадлежащей къ формаціи

Московской. Тѣмъ болѣе должно это сказать о новѣйшихъ крѣпостныхъ населеніяхъ въ отдаленныхъ отъ обѣихъ столицъ мѣстностяхъ, гдѣ крѣпостныя традиціи не успѣли, что-называется, насидѣть себѣ мѣста, и гдѣ вольная жизнь оказывалась болѣе или менѣе упругою къ ихъ принятію. Не даромъ же всѣ окраинныя губерніи и сѣвера, и востока, и юга, несмотря на свое безконечное различіе въ почвѣ и климатѣ, были вообще самыми цвѣтущими во время крѣпостного права.

Было однакожь нѣчто, что́ крѣпостной гнетъ въ сѣверо и югозападныхъ губерніяхъ дѣлало болѣе тяжкимъ, чѣмъ онъ былъ даже въ губерніяхъ крѣпостной московской формаціи. Это нѣчто былъ еврей. Въ Россіи, что́ не попадало въ руки барину, вообще ускользало изъ рукъ его, то доставалось русскому кулаку или промышленнику. Въ западныхъ губерніяхъ, что́ ускользало изъ рукъ пана, попадало въ руки еврею. Изъ кулаковъ-промышленниковъ образовалась мало-по-малу цѣлая корпорація русскаго купечества, которая забрала въ руки нетолько мелкихъ баръ, но и баръ крупныхъ, и стала двигать міромъ промышленымъ и торговымъ. Въ нашихъ западныхъ губерніяхъ этого случиться не могло. Тамъ евреи владѣли всею промышленостію и торговлею и остаются двигателями всего экономическаго міра доселѣ. Въ настоящее время, когда рѣчь идетъ объ обрусѣніи западнаго края, на нашъ взглядъ очень мало придается значенія этому очень важному обстоятельству, и напротивъ, слишкомъ большое значеніе дается польской интеллигенціи. Польская интеллигенція съ того времени, какъ она лишена своей матеріальной опоры, то-есть владѣнія крѣпостными, лишена вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго опаснаго значенія въ средѣ крестьянъ. Но экономическое значеніе еврея совсѣмъ другое дѣло. Пока онъ будетъ занимать то же самое мѣсто въ промышленномъ и торговомъ мірѣ, какое онъ занималъ доселѣ, дотолѣ положеніе русскаго крестьянина, несмотря на его освобожденіе, едва-ли значительно облегчится. А сбить еврея съ занимаемой имъ теперь промышленной и торговой позиціи, будетъ далеко не подъ силу забитому русскому крестьянину западныхъ провинцій. Въ этомъ отношеніи достойно состязаться съ евреемъ можетъ только русскій кулакъ московской формаціи, и если ему облегчить входъ въ достаточномъ количествѣ въ наши западныя провинціи, то нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе немногихъ лѣтъ онъ собьетъ еврея со всѣхъ занимаемыхъ имъ теперь пунктовъ — и тогда край быстро обрусѣетъ. На сколько первоначально экономическое преобладаніе русскаго кулака будетъ для туземнаго населенія легче еврейскаго, это, конечно, вопросъ. Но кулакъ во всякомъ случаѣ форма прехо-

дящая, которая рано или поздно смѣнится правильно-организованнымъ купечествомъ изъ туземнаго или пришлаго русскаго населенія. Слѣдовательно, тутъ есть по крайней-мѣрѣ надежда. Царствію же еврея не будетъ конца, пока онъ будетъ оставаться безъ достойной конкуренціи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Губерніи эти находятся въ исключительномъ положеніи. Крѣпостное право уничтожено въ нихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Для сбыта своихъ произведеній и вообще въ торговомъ отношеніи, онѣ занимаютъ самое счастливое положеніе едва-ли не изо всѣхъ русскихъ губерній, расположенныя съ одной стороны при морѣ, а съ другой — тѣсно связанныя съ внутренними губерніями западной полосы имперіи. Все это должно бы было дѣлать ихъ положеніе особенно цвѣтущимъ, сравнительно со всѣми другими русскими губерніями. Однакожь этого не видно. Населеніе ихъ, въ теченіе 12-ти лѣтъ, дало каждогоднаго прироста въ Эстляндской губерніи не болѣе $^1/_4\%$, въ Курляндской — не болѣе $^2/_3\%$, въ Лифляндской — немного болѣе $^3/_4\%$. Однимъ словомъ, ни одна изъ губерній не дала цѣлаго процента, какой дали нѣкоторыя изъ нашихъ губерній даже съ самою плохою почвою, напримѣръ, Вологодская, Новгородская (въ прибалтійскихъ почва посредственная), находившіяся подъ бо̀льшимъ или меньшимъ давленіемъ крѣпостнаго гнёта. Ясно, что свобода безъ надѣла землею, какою пользуются остзейскіе крестьяне, мало можетъ перемѣнить экономическое положеніе крестьянина къ лучшему.

II.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ.

(Наша промышленость и торговля, протекціонисты и фритредеры; новый тарифъ.)

Всѣ приведенныя нами въ предыдущей статьѣ данныя показываютъ, что движеніе нашего народонаселеія подъ вліяніемъ крѣпостнаго права шло ненормально. Теперь крѣпостное право уничтожено. Напрасно бы мы, однакожь, стали думать, что вмѣстѣ съ этимъ немедленно всюду сильно возвысится приростъ народонаселенія. Это значило бы думать, что вдругъ ни съ того, ни съ сего отъ одного устраненія бывшихъ только видимыхъ, такъ-сказать, непосредственныхъ злоупотребленій крѣпостнаго права возвысится уровень общаго благосостоянія. Съ одной

стороны, крѣпостное право оставило по себѣ такой богатый послѣдъ въ общественныхъ привычкахъ, воззрѣніяхъ, отношеніяхъ, даже учрежденіяхъ, что—и уничтоженное — оно долго еще будетъ вліять на нашъ общественный строй. Съ другой общественное благосостояніе создается совокупностію очень многихъ экономическихъ и соціальныхъ условій, которыхъ при крѣпостномъ правѣ *абсолютно* не могло быть, и которыя теперь хотя и сдѣлались возможными, но могутъ также и не быть—и надъ созданіемъ ихъ надобно еще много поработать. Въ настоящее переходное время, очень тяжелое для крестьянъ по множеству лежащихъ на нихъ налоговъ, по неустановившимся точно и опредѣленно новымъ отношеніямъ, по отсутствію въ средѣ ихъ всякаго свѣта, который помогъ бы имъ оріентироваться въ ихъ новомъ положеніи и плодотворно направить ихъ трудъ и дѣятельность, при общемъ при этомъ разстройствѣ дѣлъ и скудости капиталовъ, можно опасаться, что уровень благосостоянія въ болѣе или менѣе истощенныхъ уже во время крѣпостнаго права губерніяхъ еще болѣе понизится, и это неблагопріятнымъ образомъ отразится нетолько на движеніи народонаселенія, но и на ходѣ вообще всѣхъ дѣлъ. Такое состояніе можетъ продолжаться очень долго, и можетъ выработаться, за неимѣніемъ правильнаго исхода, въ какую нибудь форму, нелучшую крѣпостной, если только экономическія и соціальныя условія будутъ оставаться *существенно* неизмѣнными противу прежняго.

Мы коснемся здѣсь одного изъ такихъ условій, на сколько оно выражается въ статистическихъ данныхъ — это отношенія *города* къ *деревнѣ*.

Благосостояніе города стоитъ всегда въ тѣсной, неразрывной связи съ благосостояніемъ деревни. Если нѣтъ города, деревня, по удачному выраженію Тенгоборскаго, задыхается въ своемъ собственномъ тукѣ. Если городъ развивается неправильно, тратитъ свои силы непроизводительно, онъ непремѣнно эксплуатируетъ и деморализируетъ деревню, и мало-по-малу пожираетъ и ея, и свое собственное благосостояніе.

Городъ есть мѣсто потребленія для того тука, которымъ тяготится деревня. Это потребленіе въ значительныхъ размѣрахъ городъ производитъ двоякимъ образомъ: или посредствомъ простаго обмѣна съ другими далекими мѣстами произведеній деревни въ ихъ сыромъ видѣ, или переработкою ихъ на мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ городъ въ существѣ дѣла имѣетъ болѣе транзитное, кочевое значеніе. Люди изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ сходятся въ извѣстный, болѣе удобный по средствамъ сообщенія пунктъ, обмѣниваются между собою своими произведе-

ніями, и потомъ расходятся по своимъ домамъ. Мѣсто, гдѣ они сходились для мѣны, оживившись на нѣсколько времени, остается снова попрежнему пустыннымъ. Такое именно значеніе имѣютъ всѣ мѣста первобытныхъ торжковъ, торговъ, ярмарокъ. Такой характеръ имѣли города азіатскихъ народовъ съ совершенно подвижнымъ населеніемъ. Такъ, напримѣръ, нѣкогда знаменитый городъ Камской Болгаріи Болгары вмѣщалъ въ себѣ населенія по нѣскольку тысячъ, когда шло время торга, а потомъ пустѣлъ совершенно, когда время торга оканчивалось. Но въ странахъ земледѣльческихъ и чисто-мѣновой городъ получаетъ уже извѣстный характеръ осѣдлости. Когда извѣстное мѣсто представляетъ натуральныя удобства для мѣны продуктовъ, то здѣсь тотчасъ являются на постоянное жительство люди, которые, съ одной стороны, пріобрѣтаютъ сырые продукты деревни, съ другой — запасаются различными издѣліями, для нея нужными. По ихъ примѣру, мало-по-малу и остальное народонаселеніе, прежде чисто-земледѣльческое, теряетъ свой чисто-земледѣльческій характеръ, начиная заниматься или мѣною произведеній, или производствомъ мелкихъ ремеслъ и доставленіемъ различныхъ услугъ для людей, занимающихся мѣною. Подлѣ торговли является мелкая промышленость, выгоды которой привлекаютъ народъ на временное или постоянное жительство изъ другихъ мѣстъ. Болѣе или менѣе значительное стеченіе народа съ характеромъ дѣятельности, отличнымъ отъ сельскаго, вызываетъ потребность новой администраціи. Составъ ея еще болѣе усложняется, когда правительство это мѣсто мѣны, какъ привлекающее къ себѣ много народа, дѣлаетъ центральнымъ и для своихъ административныхъ цѣлей. Смотря по размѣрамъ мѣны, по числу осѣдлаго населенія, занимающагося мѣною или промышленными производствами и услугами, вызываемыми потребностями мѣны, мѣстность совершенно теряетъ свой земледѣльческій характеръ и преобразуется въ городъ. Капиталы, кромѣ торга и мелкихъ промышленныхъ производствъ, начинаютъ помѣщаться для производства и переработки разныхъ сырыхъ продуктовъ въ крупныхъ размѣрахъ. Это въ составъ народонаселенія вводитъ новыя огромныя массы людей. Все это вмѣстѣ взятое порождаетъ новыя особенныя сношенія, отношенія, вообще жизнь, которая не имѣетъ для себя ничего сходнаго въ деревенскомъ устройствѣ жизни; требуется особенное устройство городовое, имѣющее задачею дать всему такой порядокъ, который не парализировалъ бы дѣйствій промышленныхъ и торговыхъ силъ, напротивъ, способствовалъ бы имъ въ ихъ развитіи, и существо котораго должно состоять въ полномъ самоуправленіи города. То

самое мѣсто, которое служитъ для населенія города, можетъ быть удобнымъ и для цѣлей административныхъ, военныхъ и т. п., и народонаселеніе города можетъ смѣшиваться съ народонаселеніемъ совершенно особаго характера. Это, однакожь, нисколько не должно нарушать полной автономіи города, интересы котораго, какъ существеннѣйшіе всѣхъ другихъ интересовъ, не могутъ быть подчинены никакимъ другимъ.

Изъ числа нашихъ городовъ мы не найдемъ ни одного, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ этимъ требованіямъ. Всѣ наши города, даже и дѣйствительно какъ будто похожіе на города, носятъ на себѣ печать городовъ прежней чисто-правительственной формаціи.

Первоначально нашъ городъ былъ не болѣе, какъ огороженнымъ мѣстомъ для защиты отъ непріятелей. Потомъ онъ сдѣлался мѣстомъ административнымъ по бо́льшей или ме́ньшей центральности своей въ извѣстномъ районѣ. Затѣмъ были и есть у насъ города смѣшаннаго военно-административнаго, военно-административно-политическаго значенія. Далѣе этого нашъ городъ не пошелъ въ своемъ развитіи, или точнѣе то, что̀ называется собственно городомъ, у насъ доселѣ не имѣло своего помѣщенія, и городское движеніе, и городская жизнь могли проявляться, на сколько могли, только на чужихъ квартирахъ.

Обыкновенно правительство назначало мѣсто для города, руководясь въ этомъ случаѣ цѣлями единственно военными, административными или тѣми и другими вмѣстѣ. Когда въ избранномъ такимъ образомъ пунктѣ скоплялось населеніе, сюда являлись лавочники и мелкіе промышленники разнаго рода. По мѣрѣ важности избраннаго мѣста для правительственныхъ цѣлей — увеличивалось его офиціальное, а ради него и неофиціальное населеніе, и промышленость и торговля получали болѣе широкіе размѣры. Если мѣсто было особенно важно, какъ, напримѣръ, столицы, промышленость и торговля принимали громадные размѣры. Правительство имѣетъ въ рукахъ своихъ всѣ средства дать значительность мѣсту, которое для него нужно. Вопервыхъ, на его органы, учрежденія, многоразличныя потребности идутъ огромныя суммы денегъ, которыя привлекаютъ къ себѣ торговлю и промышленость; вовторыхъ, правительство облегчаетъ средства и пути сообщенія къ мѣстамъ для него важнымъ, устраняетъ разныя неудобства, затрудненія, могущія препятствовать развитію въ томъ или другомъ отношеніи удобствъ населенія; наконецъ, втретьихъ тамъ, гдѣ, какъ у насъ, нѣтъ даже начатковъ провинціальнаго самоуправленія, гдѣ все централизовано въ нѣсколькихъ пунктахъ, и если не исключительно, то большею

частію въ столицахъ, около центра управленія, избраннаго главною властію, должны сосредоточиваться и таланты, и знанія, и капиталы. Ибо здѣсь только возможно окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и затрудненій, которые неизбѣжны при всѣхъ предпріятіяхъ и медленное разрѣшеніе которыхъ можетъ, между тѣмъ, сопровождаться иногда совершеннымъ разореніемъ предпринимателей; самое начинаніе многихъ предпріятій вслѣдствіе этого не найдетъ ни капиталовъ, ни людей внѣ главныхъ центровъ управленія; наконецъ есть предпріятія, которыхъ даже начинаніе по условіямъ, установленнымъ закономъ, въ другихъ мѣстахъ совершенно невозможно.

Такимъ образомъ правительство имѣетъ всѣ средства дать жизнь и движеніе мѣсту, имъ избранному, и въ тѣхъ именно размѣрахъ, въ какихъ оно захочетъ. Потому главные центры, имъ избранные, Петербургъ и Москва, цвѣтутъ промышленостію и торговлею. Повидимому, и желать больше нечего. Не все ли равно, правительство ли изберетъ мѣсто для своихъ цѣлей военныхъ, административныхъ, политическихъ и здѣсь сосредоточатся капиталы, промышленость, торговля, или на оборотъ капиталы, промышленость, торговля изберутъ и оснуютъ себѣ мѣста, а потомъ и правительство найдетъ эти самыя мѣста удобными для своихъ цѣлей?

Повидимому, все равно, а на самомъ дѣлѣ тутъ такая безконечная разница, что даже и сходство какое нибудь найдти трудно. Возьмемъ, напримѣръ, и будемъ разсматривать Петербургъ. Какъ портъ, онъ крайне неудобенъ; какъ мѣсто для внутренней торговли, онъ также неудобенъ: онъ стоитъ на краю государства и, слѣдовательно, отъ одного провоза должна сильно возвышаться цѣна всѣхъ вывозимыхъ изъ него товаровъ во внутрь Россіи. Для промышленныхъ предпріятій въ большихъ размѣрахъ онъ также не представляетъ никакихъ натуральныхъ удобствъ. Вблизи его нѣтъ никакого сырья для издѣлія. Всѣ матеріалы, нужные для обработки, онъ долженъ получать или изъ-за границы или часто еще дальше извнутри Россіи. Одинъ провозъ матеріаловъ долженъ сильно возвышать цѣну заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ въ Петербургѣ, но дороговизна труда и содержанія, по всей вѣроятности, увеличиваетъ эту цѣну вдесятеро противъ нормальной для Россіи. Ибо едва-ли есть мѣсто въ мірѣ для жизни и пропитанія многолюднаго населенія болѣе неудобное, какъ Петербургъ. Мы не говоримъ о томъ, сколько стоило основать Петербургъ и сдѣлать мало-по-малу сколько нибудь пригоднымъ для житья въ гигіеническомъ отношеніи! Въ теченіе съ небольшимъ 150 лѣтъ на это потрачены безчислен-

ныя сотни мильйоновъ рублей и многія сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Это прошлое. При томъ же всѣ эти жертвы и усилія не пропали совсѣмъ даромъ. Благодаря имъ, Петербургъ сдѣлался болѣе или менѣе удобенъ для житья и при помощи медицинскихъ пособій можетъ жить и здравствовать если не лучше, то и не хуже Москвы. Съ него и этого довольно. Но если было возможно, положимъ, очень тяжкою цѣною измѣнить нѣсколько къ лучшему климатъ Петербурга, то уже никакою цѣною невозможно бѣдную и неблагодарную почву его, равно какъ и смѣжныхъ съ нимъ губерній переродить въ плодородную на столько, чтобы она могла пропитывать слишкомъ полумильйонное населеніе столицы. Продуктами своей собственной губерніи и всѣхъ ближайшихъ къ ней Петербургъ не прожилъ бы и одной недѣли. Какъ главнѣйшія жизненныя потребности хлѣбъ и мясо, такъ и другія многія менѣе важныя Петербургъ получаетъ изъ внутри Россіи и притомъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ ея. На первый взглядъ это нетолько не дурно, но, кажется, даже и очень хорошо. Ибо производствомъ и доставкою продуктовъ для Петербурга занято множество рукъ, слѣдовательно, поддерживается и развивается промышленость и торговля. Однакожь, такъ ли это?

Положимъ, Петербургъ, съ своимъ 539 тысячнымъ населеніемъ съѣдаетъ ежедневно, считая по 2 ф. на человѣка, 1.078,000 фунтовъ хлѣба или, что то же, 26,950 пуд.,—а въ мѣсяцъ 808,500 пуд Положимъ далѣе, что пудъ хлѣба на тѣхъ пристаняхъ, съ которыхъ хлѣбъ отправляется, стоитъ не болѣе 50 коп., но во время перевозки въ Петербургъ, побывавши въ разныхъ рукахъ и подвергшись въ пути многочисленнымъ перегрузкамъ, и оплативъ полежалое въ разныхъ мѣстахъ, увеличился въ цѣнѣ не болѣе какъ на половину и продается петербургскимъ жителямъ не дороже 1 руб., т.-е. дороже на пудъ противъ внутреннихъ губерній всего на 50 коп. Въ мѣсяцъ эта переплата составитъ почтенную цифру 404,250 руб.,—въ годъ 4.951,000.

Предположимъ, что мы ее очень увеличили, что въ дѣйствительности она вдвое, втрое менѣе,—и все-таки она окажется еще значительною, а это касается только одной изъ многочисленныхъ статей, по которымъ Петербургъ по самому своему мѣстоположенію поставленъ въ необходимость дѣлать переплату.

Кто же однако выигрываетъ отъ этой переплаты? Производство не выигрываетъ ничего; ибо Петербургъ, еслибы онъ стоялъ и на мѣстѣ Нижняго Новгорода, ѣлъ бы ничуть не менѣе, чѣмъ сколько ѣстъ теперь, а, пожалуй, гораздо болѣе, ибо тамъ климатъ здоровѣе.

Не выигрываетъ ничего и производитель. Потому что за пудъ хлѣба, отпускаемаго въ Петербургъ, онъ получаетъ такой же точно полтинникъ, какой получаетъ и за пудъ хлѣба, отправляемый въ другія мѣста.

Выигрываютъ только одни поставщики хлѣба, то-есть всѣ посредники въ мѣнѣ хлѣба между Петербургомъ и деревнею.

Но чѣмъ же Петербургъ возмѣститъ сдѣланную имъ переплату въ хлѣбѣ?

Въ Петербургѣ есть три только класса населенія, которые, собственно говоря, вступаютъ непосредственно въ мѣну съ внутренней Россіей—это: 1) населеніе, служащее казнѣ; 2) населеніе, производящее разныя издѣлія и фабрикаты, наконецъ 3) населеніе торговое, доставляющее странѣ или петербургскія или иностранныя издѣлія. Всѣ остальные классы населенія, живущіе услугами, возмѣщаютъ переплаты, сдѣланныя ими на хлѣбъ или на другихъ жизненныхъ продуктахъ — уже на этихъ послѣднихъ.

Когда для служащаго чиновника, офицера, солдата содержаніе становится дорого, казна однимъ изъ нихъ прибавляетъ жалованье, другихъ — удовлетворяетъ натурой, и какъ ту, такъ и другую переплату дѣлаетъ изъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ, то-есть изъ денегъ, получаемыхъ съ тѣхъ же производителей, у которыхъ покупается и хлѣбъ.

Когда для фабриканта или заводчика, отъ возвышенія цѣны жизненныхъ продуктовъ, становится дороже помѣщеніе, плата рабочимъ, или содержаніе ихъ, цѣна сырыхъ продуктовъ, онъ всѣ свои расходы разлагаетъ на выдѣлываемые имъ фабрикаты или издѣлія, которые по этой повышенной цѣнѣ продаются тѣмъ же производителямъ хлѣба. Точно такъ же поступаютъ и производители всѣхъ другихъ цѣнностей.

Наконецъ, и населеніе торговое возмѣщаетъ всѣ свои убытки, происходящіе отъ переплаты на жизненные продукты, возвышеніемъ процента на свой товаръ, идущій во внутрь страны.

Такимъ образомъ, вся переплата въ хлѣбѣ, сдѣланная Петербургомъ, возмѣщается если не вполнѣ производителями хлѣба, то въ значительной мѣрѣ ими же. Иначе сказать, за хлѣбъ, отпускаемый въ Петербургъ, производитель получаетъ только половину, а можетъ быть и четвертую часть цѣны. Мы говоримъ, что производитель получаетъ половину или четверть цѣны, а не то, что ничего не получаетъ, не въ томъ предположеніи, что ему поможетъ кто-нибудь пополнить переплату Петербурга,

напримѣръ, посредники-поставщики хлѣба, нажившіеся отъ него или производители разныхъ цѣнностей въ провинціи, въ невинности не догадаются возмѣстить на немъ дороговизну петербургскихъ издѣлій и товаровъ. Нѣтъ, этого не будетъ; послѣдніе возмѣстятъ все свое до послѣдней копейки. А можетъ случиться вотъ что: что перевозка хлѣба будетъ на половину или на четверть дешевле цѣны его на пристани, гдѣ онъ берется. Напримѣръ, хлѣбъ стоитъ 50 коп., а доставка въ Питеръ обойдется только въ 25 коп. или 37½, тогда Петербургъ взыщетъ съ производителя только стоимость перевозки, а остальное останется у него за трудъ.

Но скажутъ: въ такомъ случаѣ производителю легко справиться съ Петербургомъ. Стоитъ только назначить высокую цѣну на хлѣбъ, и тогда разность между перевозкою и цѣнностью хлѣба на мѣстѣ будетъ всегда въ пользу послѣдняго. Но, во-первыхъ, производитель не можетъ самопроизвольно назначать той или другой цѣны на хлѣбъ, ибо цѣна на хлѣбъ опредѣляется состояніемъ всего хлѣбнаго рынка; вовторыхъ, еслибы онъ и могъ назначить произвольно высокую цѣну на хлѣбъ, онъ побаловался бы такъ очень недолго — не далѣе, какъ до привоза хлѣба въ Петербургъ. Ибо Петербургъ непремѣнно отвѣтилъ бы ему повышеніемъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ на столько именно, на сколько вздорожалъ хлѣбъ, и соразмѣрнымъ съ этимъ повышеніемъ цѣны всѣхъ издѣлій и товаровъ, отпускаемыхъ во внутрь Россіи.

Но, положимъ, скажетъ кто-нибудь, что Петербургъ заѣдаетъ чужой хлѣбъ, но этимъ поддерживается развитіе страны, ея промышленость, торговля, пріобрѣтаются полезные для нея люди, то-есть, посредники въ обмѣнѣ продуктовъ деревни съ городомъ. Это развитіе, эта торговля и промышленость, отвѣтимъ мы на сіе, были бы вполнѣ полезны для страны только тогда, когда бы, при посредствѣ ихъ, доставлялся хлѣбъ лишь въ одинъ петербургскій портъ, потому что портъ самъ оплачиваетъ ихъ услуги, а не вознаграждаетъ ихъ на счетъ цѣнности хлѣба. Но на сколько они, кромѣ порта, доставляютъ хлѣба Петербургу, на столько они положительно вредны странѣ, истощая напрасно страну отвлеченіемъ безчисленнаго множества рукъ отъ полезнаго производства.

Чтобы выяснить себѣ это, представимъ себѣ, что Петербургъ помѣстился въ 200 верстахъ отъ прѣсной воды, такъ что населеніе его ближе нигдѣ не можетъ имѣть для питья воды и что оно должно снабжаться этою водою не посредствомъ водопрово-

довъ, а обыкновенными средствами перевозки. Предположимъ далѣе, что на каждаго жителя Петербурга потребуется въ день воды не болѣе 10-ти ведеръ, и каждое ведро воды съ перевозкою стоило бы не болѣе 10-ти копеекъ, мы найдемъ, что Петербургъ долженъ бы платить за снабженіе себя въ годъ водою ту же сумму, какую мы выше положили за переплату его по продовольствію хлѣбомъ, т.-е. 4.951,000 р. На эти деньги на всемъ протяженіи того пути, которымъ доставляется вода въ Петербургъ, разцвѣло бы благоденствіе населенія. Явились бы богатыя селенія, съ разнообразнымъ промышленнымъ производствомъ, приспособленнымъ къ средствамъ перевозки воды въ наилучшемъ видѣ. Деревщики, бочары, слесаря, кузнецы, тележники, лавочники и проч. торчали бы въ обиліи въ каждомъ селеніи; трактировъ, постоялыхъ дворовъ, харчевень была бы тьма. Однимъ словомъ, торговля и промышленное движеніе были бы самыя цвѣтущія. Довольство кипѣло бы всюду и сердце путника утѣшалось бы тѣмъ, что его отечество такъ благоденствуетъ. Но было ли бы тутъ въ дѣйствительности какое-нибудь благоденствіе для отечества? Никакого. Ибо Петербургъ за воду расплатился бы точно такъ же, какъ онъ теперь расплачивается за хлѣбъ, т.-е. разложилъ бы слѣдуемыя съ него деньги на всю страну. И мнимое благоденствіе, которымъ наслаждался ѣхавшій путникъ, по отношенію ко всему отечеству, выразилось бы только тѣмъ, что оно было бы поставлено въ необходимость содержать на свой счетъ людей, совершенно для него безполезныхъ.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, что далеко не все равно: сама ли промышленость или торговля избрали себѣ извѣстное мѣсто для своихъ операцій, или онѣ искуственно привлечены въ мѣсто, избранное для другихъ цѣлей, сторонних для нея. Въ послѣднемъ случаѣ, если при томъ избранное мѣсто вполнѣ неудобно для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, какъ это мы видѣли на Петербургѣ, самое блестящее, повидимому, движеніе торговли и промышлености будетъ только болѣе или менѣе эксплуатировать страну, а не обогащать ее.

Зло такой искуственной насадки торговли и промышлености не на мѣстѣ бываетъ иногда, въ особенности когда насадка сдѣлана въ огромныхъ размѣрахъ, такъ сильно, что трудно пріискать какія нибудь средства, чтобы поправить его. Возьмемъ въ примѣръ снова Петербургъ.

Было время, когда Петербургъ имѣлъ великое значеніе для всей Россіи. Это былъ единственный портъ, черезъ который Россія могла освобождаться отъ душившаго ее тука земледѣль-

ческихъ продуктовъ; это было единственное окно въ Европу, чрезъ которое Россія могла проводить къ себѣ европейскую цивилизацію, наконецъ единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ цивилизація могла насаждаться болѣе или менѣе спокойно и безопасно. О военномъ и политическомъ значеніи тогдашняго Петербурга и говорить нечего. Только геніальный умъ Петра могъ понять и оцѣнить всю важность мѣста, занимаемаго Петербургомъ, и за пріобрѣтеніе его неустрашимо вступить въ борьбу съ природой и испытаннымъ въ бояхъ шведскимъ войскомъ, предводимымъ своимъ королемъ-полководцемъ. При такомъ великомъ значеніи Петербурга для Россіи, послѣдняя должна была нетолько безъ огорченія, а пожалуй и съ удовольствіемъ содержать его на свой счетъ. Теперь Петербургъ потерялъ свое прежнее значеніе во всѣхъ видахъ. И даже и для военно-политическихъ цѣлей намъ теперь было бы, можетъ быть, гораздо полезнѣе и привольнѣе сидѣть на Черномъ Морѣ, чѣмъ на Балтійскомъ, потому что тамъ подъ рукою и Европа, и Азія, и тамъ будутъ рѣшаться великіе европейскіе вопросы нетолько болѣе или менѣе близкаго, но и самаго отдаленнаго будущаго. Даже для внутренняго развитія Россіи столица на берегахъ Чернаго Моря была бы дѣломъ наижеланнымъ, потому что она подняла, населила и оживила бы полупустынный новороссійскій край, пустынные Крымъ и Кавказъ — самыя благодатныя по природѣ мѣста въ Россіи. Капиталы и знанія не погибали бы здѣсь безплодно и даже со вредомъ для страны отъ безплодной борьбы съ природой, а, напротивъ, въ согласіи съ нею дѣйствовали бы быстро для развитія общаго благосостоянія. Правда, отъ столицы на Черномъ Морѣ было бы немножко подальше до Николаевска на Амурѣ, чѣмъ отъ столицы на Балтійскомъ Морѣ; но теперь, когда желѣзныя дороги значительно сокращаютъ разстояніе пространства, а телеграфы даютъ возможность бесѣдовать на какихъ угодно разстояніяхъ, столицѣ все равно гдѣ бы ни стоять, предполагая, что всюду будетъ существовать необходимая доза твердо обезпеченнаго мѣстнаго самоуправленія.

Но предположимъ, что Петербургъ въ одинъ прекрасный день, зрѣло взвѣсивъ выгоды и невыгоды своего настоящаго помѣщенія, нашелъ бы его дѣйствительно неудобнымъ и рѣшился бы переселиться съ береговъ Финскаго залива на берегъ Чернаго Моря. Могъ ли бы онъ исполнить свое желаніе? Никакимъ образомъ. Въ недвижимыхъ имуществахъ Петербурга погребены безчисленные капиталы казны и частныхъ лицъ. Какъ скоро Петербургъ тронется съ мѣста, капиталы эти потеряютъ всякую цѣнность. Сажень земли, продающаяся теперь отъ 300 чуть ли

не до 1,000 рублей, будетъ стоить не болѣе 50 к. сер., стоимость стотысячныхъ зданій упадетъ до 0. Такое явленіе несомнѣнно должно послѣдовать потому, что вслѣдствіе неторговаго и непромышленнаго положенія Петербурга, вслѣдствіе бѣдности его природы, наконецъ вслѣдствіе сосредоточенія здѣсь въ рукахъ власти всѣхъ самыхъ даже наитончайшихъ нитей, двигающихъ Россію во всѣхъ отрасляхъ ея дѣятельности, неофиціальный Петербургъ не можетъ дня просуществовать безъ официальнаго Петербурга. Куда пойдетъ послѣдній, туда немедленно пойдетъ въ слѣдъ за нимъ и первый. За правительствомъ потянулись бы на Черное Море капиталисты, заводчики, фабриканты, купцы, ученые, литераторы, художники и въ Петербургѣ остался бы только попрежнему

...Финскій рыболовъ
Печальный пасынокъ природы
Одинъ у низкихъ береговъ.

Но такое повальное переселеніе Петербурга отозвалось бы разореніемъ и банкротствомъ цѣлаго государства. Ясно, что Петербургъ не можетъ тронуться съ мѣста и volens nolens долженъ продолжать эксплуатировать Россію. Уже ли же это продолжится навсегда, на вѣки вѣчные? спроситъ насъ въ ужасѣ читатель. Прежде всего не ужасайтесь, мой читатель. Ужасное въ отвлеченномъ анализѣ не всегда бываетъ таковымъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности оно большею частію нетолько не примѣчается, а даже доставляетъ иногда наслажденіе и восторгъ людямъ, которые вообще пріучаются съ дѣтства не думать ни о чемъ, жить день за день, которые рѣдко оглядываются даже и на свою жизнь, тѣмъ менѣе имѣютъ охоты всматриваться въ разныя явленія общественной жизни. Вѣдь не примѣчали же вы доселѣ, что Петербургъ живетъ на даровщинку и отжиливаетъ кой-какія крупицы даже отъ васъ лично, ему вовсе неслѣдующія? И отъ этого вы не чувствовали никакой особенной тяжести. А тому, что единственно пропитаніемъ его озабочено такое огромное число рукъ и капиталовъ,—вы, вѣрно, сердечно радовались. Дескать, торговля и промышленость процвѣтаютъ!

А главное, что̀ мы можемъ сказать вамъ въ утѣшеніе, это то, что заѣдаетъ хлѣбъ у Россіи не одинъ Петербургъ. Петербургу это еще, пожалуй, и простительно. Онъ оказалъ столько услугъ Россіи въ свое время, что Россія можетъ смотрѣть на него нѣкоторымъ образомъ, какъ на пенсіонера, получающаго вознагражденіе за свою прежнюю службу. Мы должны прибавить къ этому, что Петербургъ и въ настоящее время далеко не поте-

рялъ еще своего моральнаго значенія для Россіи. Что бы ни говорили о Петербургѣ, а въ концѣ-концовъ все-таки должно сознаться, что онъ пока у насъ единственный городъ, сколько нибудь похожій на европейскій. Кому становится душно жить въ провинціи отъ разныхъ *независящихъ* обстоятельствъ, кого волнуетъ живая мысль, требующая привѣта, сочувствія, поощренія, помощи, кто такъ несчастливъ, что на него рѣзко и болѣзненно дѣйствуютъ всѣ противорѣчія и диссонансы между идеалами и дѣйствительностію, отъ которыхъ однакожъ нельзя закрыть ни ушей, ни глазъ, или кому быстро надоѣдаетъ однообразно мирный и неизмѣнный ходъ жизни съ неизмѣнными лицами все однихъ и тѣхъ же глупцовъ, однихъ и тѣхъ же пошляковъ и пролазовъ, однихъ и тѣхъ же умниковъ и остроумцевъ и т. п.—тому не найдти нигдѣ въ Россіи пристанища кромѣ Петербурга. Петербургъ есть единственный asylum для всѣхъ подобныхъ *труждающихся и обремененныхъ*.

Но за что, спрашивается, заѣдаютъ хлѣбъ у Россіи такіе города и мѣстности, которые не оказываютъ ей теперь и не оказывали прежде никакихъ услугъ? А такихъ городовъ и мѣстностей можно насчитать немало въ Россіи.

То, что́ мы сказали о Петербургѣ, вполнѣ приложимо и ко всякой другой подобной мѣстности. Всякая неплодородная, едва могущая или вовсе немогущая сама себя пропитывать мѣстность, которая заводитъ фабричное или заводское дѣло для обработки продуктовъ, не туземныхъ, а выписываемыхъ издалека, и тѣмъ скучивая въ себѣ въ одно мѣсто большія массы народа, искуственно возвышаетъ дороговизну мѣстнаго содержанія до очень значительныхъ и чувствительныхъ размѣровъ въ сравненіи съ другими внутренними мѣстностями, непремѣнно эксплуатируетъ всю страну. Эта эксплуатація производится двумя путями: вопервыхъ, посредствомъ усиленнаго тарифа или, что́ то же, косвеннаго налога на фабрикаты и издѣлія, падающаго на всѣхъ покупателей въ странѣ, и вовторыхъ, непроизводительнымъ направленіемъ силъ собственно мѣстныхъ, рано или поздно влекущихъ за собой деморализацію и разореніе цѣлой мѣстности.

Такихъ мѣстностей много создало въ Россіи крѣпостное право. Пусть читатель взглянетъ на таблицу нашихъ фабрикъ и заводовъ въ (№ 5); онъ увидитъ, что изъ 12 губерній, самыхъ главныхъ у насъ по фабричному производству, изъ которыхъ каждая выработываетъ разныхъ фабрикатовъ и издѣлій на сумму отъ 4-хъ до 55 мильйоновъ, 9 губерній именно такихъ, въ которыхъ крѣпостной процентъ былъ въ самомъ богатомъ содержаніи (кромѣ Лифляндской) и которыя дали самый ничтожный процентъ

въ приростѣ народонаселенія. Это именно губерніи Московская, С.-Петербургская, Владимірская, Тверская, Костромская, Лифляндская, Ярославская, Калужская.

Спрашивается: какими благопріятными природными условіями могло быть вызвано здѣсь преимущественно развитіе фабричнаго и заводскаго производства? Богаты ли онѣ тѣми продуктами, обработкою которыхъ занимаются фабрики и заводы? Богаты ли какими нибудь вспомогательными веществами и орудіями, требующимися при обработкѣ, напримѣръ, каменнымъ углемъ, вообще топливомъ, желѣзомъ, разными машинами? Или, наконецъ, расположены въ мѣстахъ, ближайшихъ къ сбыту и т. д? Ничего этого нѣтъ. Напротивъ, всѣ они занимаются обдѣлкою продуктовъ, привозимыхъ издалека, извнутри Россіи и даже изъ заграницы. Такъ выдѣлываютъ издѣлій:

	хлопчато бумажныхъ.	краснльн. набивочныхъ.	шелк.	кожевенныхъ.	сальныхъ.
		НА СУММУ.			
губ. Владимірская	11.088,146	9.130,586			
— Московская	7.699,117	9.411,823	3.657,737	2.406,087	2.803,664
— Петербургская	10.991,540	1.318,053		3.205,085	3.563,555
— Костромская	2 354,827	114,902			

Сумма всего производства Владимірской губерніи простирается на 25 мильоновъ. Слѣдовательно $^3/_5$ ея производства обращено было на такіе продукты, которые она должна была доставать изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Въ Костромской на обработку такихъ продуктовъ была употреблена почти половина всего производства. Петербургская и Московская губерніи въ совокупности обработывали кожъ и сала на 11 мильйоновъ. А сумма всего сальнаго и кожевеннаго производства въ Россіи простирается съ небольшимъ до 37 мильйоновъ. Слѣдовательно, на долю ихъ приходилось около трети всего производства. Можно подумать, что эти губерніи или самыя богатыя скотоводствомъ, или окружены губерніями, самыми богатыми по скотоводству. Всей пеньки обработывается въ Россіи только на 9.271,120 р. И изъ этого общаго количества 2.200,000 слишкомъ обработываютъ Петербургская и Тверская губерніи. Изъ 8 слишкомъ мильйоновъ производства мукомольнаго, крупорушнаго, солодовеннаго двѣ мѣстности производили болѣе 3-хъ мильйоновъ. И въ числѣ этихъ мѣстностей одна — Одесское градоначальство, а другая — кто бы могъ это думать — Новгородская губернія, у которой нечего ѣсть. Изъ 28 мильйоновъ металлическаго производства—общая сумма всего металлическаго производства Россіи—Петербургъ работаетъ на 11½ мильйоновъ,

изъ 4-хъ милльоновъ производства древесныхъ издѣлій — также общая сумма всего производства—Петербургъ работаетъ на 1.700,000 Однимъ словомъ, если вы будете разбирать подробно таблицу нашего фабричнаго и заводскаго производства, вы увидите, что каждая мѣстность обработываетъ большею частію то, чего у нея нѣтъ. То же, что̀ мы сказали о продуктахъ производства, должны сказать и о пособіяхъ для производства, о топливѣ и машинахъ относительно бо̀льшей части мѣстъ. Такъ точно напрасно бы мы стали искать какихъ-нибудь другихъ соображеній (мы говоримъ о бо̀льшей части мѣстностей, а не о всѣхъ), вслѣдствіе которыхъ возникло то или другое производство въ той, а не другой мѣстности.

Первоначальное происхожденіе ихъ въ бо̀льшей части мѣстностей было, по всей вѣроятности, случайно. Заводилъ одинъ ту или другую фабрику, она давала деньги, которыя доставать было трудно. У него перенимали новое дѣло другіе — и такъ оно разросталось въ данной мѣстности безъ всякихъ соображеній о мѣстныхъ удобствахъ или неудобствахъ и о будущемъ самаго производства. Вотъ что̀ разсказываетъ, напримѣръ, князь Мещерскій о началѣ ситцеваго производства въ знаменитомъ селѣ Ивановѣ: «Какъ начало этого дѣла преданіе относитъ къ двумъ-тремъ выходцамъ села Иванова, работавшимъ въ Шлиссельбургѣ на устроенной тамъ иностранцемъ Леманомъ ситцевой фабрикѣ, которые, узнавъ секретъ составленія красокъ и выдѣлки ситцевъ, вернулись потомъ на родину, и изъ нихъ Соковъ первый устроилъ маленькую ситцевую фабрику — такъ и впослѣдствіи, каждая устроившаяся фабрика служила примѣромъ, поощреніемъ и школою для другихъ. А такъ-какъ почва здѣсь была издавна подготовлена къ такому дѣлу полотняннымъ промысломъ, а съ другой стороны дѣлать ситцы съ минуты зарожденія этого производства по настоящее время весьма выгодно, то понятно, что ему предстояло расти и развиваться именно здѣсь, подъ вліяніемъ взаимныхъ примѣровъ, взаимной помощи и нераздѣльнаго съ ними соревнованія. Другихъ причинъ трудно пріискать для объясненія судебъ ситцеваго производства въ этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала, по настоящее время, село Иваново лишено всѣхъ удобствъ промышленнаго и торговаго центра, будучи отовсюду далеко, и находясь на рѣчкѣ (рѣкѣ Уводь), неимѣющей никакого путеваго значенія» («Русскій Инвалидъ» № 205).

Такимъ образомъ, для нашего фабричнаго и заводскаго дѣла выбирались большею частію какъ будто нарочно такія мѣстности, гдѣ было бы какъ можно меньше природныхъ благопріятныхъ условій для успѣшнаго веденія дѣла, и гдѣ поэтому предстояло

бы какъ можно больше борьбы съ природою! Всякій знаетъ, что бороться съ природою всегда убыточно, и безъ особенной нужды въ томъ, вполнѣ неразумно. Для насъ же, бѣдныхъ капиталами, знаніемъ, искуствомъ, отваживаться на подобную борьбу безъ крайней нужды, и тѣмъ болѣе неразумно. И нѣтъ сомнѣнія, что никто не рѣшился бы на нее, или начавъ ее случайно, по необходимости, и испытавъ при самомъ началѣ на опытѣ ея трудность, немедленно бросилъ бы неимѣющее будущности производство, не доводя его до громадныхъ размѣровъ и позаботился бы перенести свой капиталъ для приложенія къ производству въ мѣстность, по природнымъ условіямъ благопріятную, еслибы особенности нашего соціальнаго устройства не поддерживали доселѣ такого непроизводительнаго употребленія капиталовъ и не препятствовали ихъ свободному помѣщенію. Мы выше сказали, что у насъ доселѣ не было мѣстнаго самоуправленія, всѣ дѣла и вопросы рѣшались окончательно въ столицахъ. Оттого промышленость огромныхъ размѣровъ должна была оставаться въ этихъ средоточіяхъ или близь нихъ; ибо всякое недоразумѣніе или какая-нибудь необычайная мѣстная мѣра, сдѣланная по ошибкѣ, по неосторожности, могла обратить въ ничто капиталъ предпринимателя, еслибы дѣло пошло своимъ обыкновеннымъ рутиннымъ порядкомъ по инстанціямъ. Вслѣдствіе же этого отсутствія самоуправленія, всѣ капиталы и знанія сосредоточивались въ столицахъ, и тѣмъ самымъ, мѣстности, лежащія вдали отъ столицъ, и болѣе благопріятныя по своимъ природнымъ условіямъ для развитія промышлености, лишались и капиталовъ и людей, нужныхъ для веденія фабричнаго и заводскаго дѣла. Въ столицахъ же главнымъ образомъ сосредоточивалось, какъ мы видѣли, все служащее и неслужащее дворянство, и при посредствѣ крѣпостного владѣнія въ самомъ сильномъ процентѣ помѣщавшагося въ губерніяхъ близь столичныхъ, имѣло самое рѣшительное вліяніе на развитіе въ этихъ губерніяхъ фабричнаго и заводскаго дѣла. Въ бѣдныхъ по плодородію, и неблагодарныхъ для земледѣльческаго труда пристоличныхъ губерніяхъ фабрики и заводы для крѣпостнаго владѣнія были кладомъ. Они нетолько рѣшали вопросъ о пропитаніи крѣпостныхъ въ этихъ губерніяхъ въ случаѣ неурожая, но и обезпечивали навсегда такой хорошій и вѣрный доходъ помѣщику, какого онъ не могъ надѣяться получить отъ земледѣлія. Естественно, что когда правительство наше, озабоченное перевѣсомъ ввоза надъ вывозомъ и отливомъ звонкой монеты и думавшее предотвратить это зло разведеніемъ собственнаго производства, стало черезъ графа Канкрина привлекать дворянство къ заведенію фабричнаго и заводскаго дѣла,

обезпечивая вѣрный доходъ производства усиленнымъ тарифомъ, дворянство должно было отозваться на эту мѣру весьма сочувственно. Видя, при условіи такого покровительства, несомнѣнную личную выгоду производства, и будучи притомъ крѣпостнымъ правомъ совершенно обезпечено въ достаточномъ числѣ рабочихъ, за дворянствомъ послѣдовало и купечество. Такимъ образомъ, огромные капиталы привлечены къ фабричному и заводскому производству и погребены въ мѣстностяхъ, природныя условія которыхъ не обѣщаютъ никакого успѣха производству въ будущемъ. Извлечь же эти капиталы и перемѣстить въ другія губерніи, болѣе благопріятныя для производства, стало такъ же невозможно, какъ перемѣстить Петербургъ на берега Чернаго Моря.

Отъ такого неправильнаго развитія заводскаго и фабричнаго дѣла въ мѣстностяхъ, совершенно непригодныхъ для него, у насъ образовалась сильная партія *протекціонистовъ*, которая постоянно о томъ только и хлопочетъ, какъ бы увеличить тарифъ. Тѣ или другіе финансовые обороты, совершаемые правительствомъ, возвышеніе или пониженіе денежнаго курса, приливъ или отливъ монеты, то или другое состояніе дѣлъ на биржѣ и рынкѣ, вообще промышленный и торговый успѣхъ или упадокъ, могутъ зависѣть въ то или другое время отъ причинъ самыхъ многоразличныхъ и многосложныхъ, которыя у насъ, при отсутствіи почти всякой гласности въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, нетолько для обыкновеннаго читателя, но и для всѣхъ нашихъ записныхъ финансистовъ и политико-экономистовъ составляютъ дѣло темное. Всѣ мы чувствуемъ, что въ торговомъ и промышленномъ мірѣ дѣлается что-то неладное только тогда, когда у насъ начинаютъ пустѣть карманы. Между тѣмъ, всякою подобною невзгодою добродушнаго читателя пользуются протекціонисты, чтобы указать ему, что всѣ подобныя бѣдствія зависятъ не отъ чего другого, какъ отъ низкаго тарифа, что стоитъ возвысить послѣдній, и у всѣхъ будутъ полные карманы денегъ. Вмѣстѣ съ этимъ, они, натурально, вооружаются на русскихъ *фритредеровъ*, если не какъ на завистниковъ частнаго и общаго благосостоянія и враговъ отечества, то какъ на совершенныхъ невѣждъ въ дѣлахъ промышленныхъ и торговыхъ.

Русскіе фритредеры!! Кто жь эти русскіе фритредеры, и гдѣ они? Гдѣ у насъ проводники принципа безусловной свободы торговли и промышленности? Гдѣ у насъ люди, которые бы говорили, что намъ нужно *немедленно* уничтожить тарифъ на всѣ наши фабричныя и заводскія издѣлія, и предоставить нашимъ фабрикамъ и заводамъ однимъ, своими собственными силами, безъ всякой поддержки какого бы то ни было тарифа, состязаться

съ иностранною промышленостію? Такихъ проповѣдниковъ мы не знаемъ. Правда, у насъ многіе писали и пишутъ, что свободная международная торговля, непокровительствуемая никакими тарифами, есть цѣль промышлености каждой страны, что къ этой именно цѣли должна идти и наша промышленость, что въ видахъ достиженія этой цѣли, надобно время отъ времени понижать существующій тарифъ соразмѣрно тѣмъ или другимъ успѣхамъ развитія отечественной промышлености, и для того, между прочимъ, чтобы послѣдняя всегда имѣла эту цѣль въ виду и шла постоянно впередъ, а не коснѣла, обезпеченная высокимъ, неподвижнымъ тарифомъ въ отсутствіи всякой конкуренціи даже въ отдаленномъ будущемъ, — въ застоѣ и невѣжествѣ. Все это весьма резонно, и вотъ все то, чего желаютъ, сколько мы знаемъ, всѣ русскіе фритредеры. Можетъ быть, когда-нибудь, кому-нибудь и случилось, въ увлеченіи теоріею, необдуманно говорить за немедленное приложеніе принципа безусловной свободы торговли къ нашему отечеству, но вѣдь журналистъ еще не партія, по крайней-мѣрѣ у насъ, и мнѣніе его не есть еще дѣло. На дѣлѣ, всѣ толки о свободѣ торговли и промышлености окончились только умѣреннымъ пониженіемъ тарифа. Истинные русскіе фритредеры, то-есть всѣ покупатели,—другихъ фритредеровъ мы не знаемъ,— и остались этимъ довольны, въ чаяніи дальнѣйшихъ успѣховъ нашей промышлености и бо́льшаго, сообразно тому, пониженія тарифа въ будущемъ. Этихъ-то именно скромныхъ обывателей, изъ которыхъ одни, можетъ быть, дѣйствительно, нѣсколько эгоистически хлопотали о нѣкоторомъ пониженіи тарифа, желая защитить свой карманъ отъ русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, но другіе хлопотали объ этомъ изъ чистой любви къ отечеству съ полною вѣрою, что наши фабрики и заводы, такъ долго покровительствуемые усиленнымъ тарифомъ, выросли въ теченіе этого времени хоть нѣсколько, и выдержатъ хоть нѣкоторую, по крайней-мѣрѣ, дѣтскую борьбу съ иностранными, — этихъ-то, говоримъ мы, мирныхъ обывателей, протекціонисты и обзываютъ фритредерами. Фритредеры ли они въ самомъ дѣлѣ? Есть ли фритредерство желать, чтобы отечественная промышленость стала на такую дорогу, чтобы люди, ее оплачивающіе, видѣли, что они оплачиваютъ не благосостояніе и расходы г. фабриканта A, или заводчика Z, а переплачиваютъ трудомъ нажитыя деньги за товаръ, дѣйствительно, въ видахъ будущаго благосостоянія отечества?

Есть ли такіе виды и задатки у нашей промышлености? Ихъ нѣтъ у насъ при настоящей неправильной постановкѣ фабричнаго и заводскаго дѣла. Вотъ какъ, напримѣръ, по сло-

вамъ князя Мещерскаго, который самъ горячій защитникъ протекціонизма, чувствуютъ себя наши Ивановскіе фабриканты: «Фабриканты не признаютъ себя въ силахъ при всѣхъ нынѣшнихъ и будущихъ средствахъ производить ситцевый товаръ среднихъ сортовъ нетолько дешевле, но и въ одну цѣну съ заграничнымъ: невозможность эта не изъ области теоріи, какъ та мысль, которая имъ эту возможность приписываетъ: она основана на томъ, что *всякое устройство фабрики и затѣмъ содержаніе ея въ Россіи стоитъ втрое дороже приблизительно, чѣмъ за границею;* если это фактъ несомнѣнный, то можно ли согласиться съ тѣмъ, что привозная цѣна изъ Англіи въ Россію будетъ стоить то, чѣмъ фабрика въ Россіи дороже фабрики въ Англіи, ибо только *при этомъ условіи возможно допустить конкуренцію.* Затѣмъ въ Англіи каждый фабрикантъ обезпеченъ въ рабочихъ, *которыхъ не мало въ населеніи Великобританіи,* а у насъ попытайся хозяинъ фабрики понизить цѣну за работу, на другой же день по отсутствію рабочихъ рукъ онъ принужденъ будетъ закрыть фабрику» («Русскій Инвалидъ» № 205). Но если дѣло находится въ такомъ неутѣшительномъ положеніи, если наши фабрики нетолько въ настоящемъ, но и въ будущемъ не могутъ даже смѣть думать о какомъ бы то ни было соперничествѣ съ заграничными, то для чего же онѣ существуютъ? Для чего въ пользу ихъ платится и будетъ платиться огромный налогъ покупателями ихъ фабрикатовъ? Развѣ только для украшенія государства? Дескать, нельзя же государству быть безъ фабрикъ. Нѣтъ, отвѣчаютъ на это Ивановцы, въ своемъ простосердечіи никакъ недогадывающіеся, что они заѣдаютъ чужой хлѣбъ, а, напротивъ, воображающіе, что они сами кормятъ другихъ—мы полезны: «въ губерніяхъ, гдѣ хлѣба своего хватаетъ на два мѣсяца, по скудости урожаевъ, что̀ станутъ предпринимать крестьяне въ теченіе восьми мѣсяцевъ зимы для своего пропитанія? Неужели они должны умирать съ голоду и въ преждевременныя минуты смерти благословлять въ утѣшеніе себѣ и всему потомству великую идею свободной торговли?» Очень остроумно замѣчено на счетъ благословеній отъ помирающихъ съ голоду свободной торговлѣ! Но вѣдь въ такое остроуміе могли бы вдаваться только люди, которые дѣйствительно на свои трудовыя деньги пропитывали бѣдныхъ, а никакъ не Ивановцы, которые ведутъ свое производство на счетъ переплачиваемыхъ имъ народомъ вслѣдствіе высокаго тарифа денегъ. Что̀ же за заслуга изъ полученныхъ чужихъ рублей бросать гроши бѣднымъ работникамъ за ихъ тяжелый трудъ? Притомъ, если фабрики, по словамъ фабрикантовъ,

приходится содержать на народныя деньги единственно для того, чтобы онѣ бросили кой-какіе объѣдки нѣсколькимъ тысячамъ работающаго у нихъ народа, то гораздо лучше для этой цѣли учредить прямой налогъ на народъ. Онъ будетъ и гораздо умѣреннѣе того, что̀ переплачиватъ народъ за товары фабрикантамъ, и падетъ на него гораздо равномѣрнѣе, и наконецъ пропитывать народъ будетъ сытнѣе. Фабриканты хотя и говорятъ, что они пропитываютъ народъ, но это пропитаніе вообще весьма скудно и плохо, и мѣстности, гдѣ находятся фабрики, нисколько не цвѣтутъ въ сравненіи съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ нѣтъ никакихъ фабрикъ и въ которыхъ народъ получаетъ пропитаніе главнымъ и часто почти исключительнымъ образомъ отъ земледѣлія, хотя послѣднія по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ стоятъ ничѣмъ не выше первыхъ, какъ, напримѣръ, въ Вологодской Губерніи, и нетолько не цвѣтутъ, а, напротивъ, деморализуясь и вырождаясь въ самыхъ людяхъ, день ото дня приходятъ все болѣе и болѣе въ бѣдственное состояніе. Какъ ни трудно пропитываться мужику въ неплодородныхъ губерніяхъ и какъ ни скудно его пропитаніе, но онъ имѣетъ то преимущество передъ фабричнымъ, что относительно своего пропитанія онъ стоитъ все-таки на своихъ ногахъ. Онъ не отвыкаетъ отъ крестьянскаго труда, способенъ ко всѣмъ чернымъ работамъ, имѣетъ здоровыя и крѣпкія руки. Когда земля будетъ не въ состояніи пропитывать его, онъ пойдетъ на крестьянскіе же заработки въ другія губерніи; въ случаѣ окончательнаго истощенія земли, онъ можетъ переселиться въ губерніи плодороднѣйшія и многоземельныя на тотъ же крестьянскій трудъ. Россія вѣдь не Англія! Въ ней пока столько земли, что всякая крестьянская сила для нея пріобрѣтеніе, находка, а не бремя. Фабричный — совсѣмъ другое дѣло. Это уже нѣкоторымъ образомъ баринъ. Если онъ долго и постоянно работаетъ на фабрикѣ, а тѣмъ болѣе если онъ съ малолѣтства поступаетъ на фабрику, онъ дѣлается совсѣмъ неспособнымъ къ крестьянскому труду; онъ и не знаетъ его и слишкомъ хилъ для него. Онъ остается годенъ единственно только для фабрики. Мало по малу такимъ образомъ формируется цѣлое народонаселеніе мѣстности, въ которомъ всѣ лучшія силы привлеваются денежнымъ заработкомъ на фабрику.

Оно годъ отъ году слабѣетъ, хилѣетъ, вырождается физически, деморализируется нравственно, и вмѣстѣ съ тѣмъ разоряется. Приведемъ здѣсь описаніе печальнаго состоянія одного изъ главнѣйшихъ промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи, — Богородскаго,—сдѣланное княземъ Мещерскимъ, чтобы видѣть, какое

вредное дѣйствіе на населеніе имѣютъ фабрики въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ дѣлаются единственными средствами для пропитанія, или, что̀ то же, въ мѣстностяхъ, по природнымъ условіямъ вовсе неблагопріятнымъ для фабричнаго дѣла.

«Что касается наружнаго вида здѣшняго населенія,—говоритъ князь Мещерскій о фабричномъ населеніи Богородскаго уѣзда—то достаточно одного взгляда на него, чтобы увидѣть весьма наглядно вліяніе фабричнаго промысла на сельское населеніе уѣзда. Съ восьми лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ работать на фабрикахъ, съ восьми лѣтъ начинается ихъ жизнь надъ станками въ душной атмосферѣ фабрики, прерываемая только для иныхъ двумя мѣсяцами лѣтней полевой работы; весьма понятно, что вслѣдствіе этого крѣпкій и здоровый организмъ въ крестьянинѣ составляетъ здѣсь исключеніе. Бо̀льшая часть крестьянъ представляетъ тотъ типъ дряблыхъ, изнѣженныхъ и слабыхъ людей, который вездѣ принадлежитъ фабричному населенію. Оттого при осмотрѣ рекрутъ встрѣчается не мало затрудненій для пріема, такъ-какъ иногда до 25 и болѣе % сдаваемыхъ крестьянъ и мѣщанъ оказываются негодными, преимущественно по причинѣ грудныхъ болѣзней и расширеній жилъ.

«Что касается нравственнаго быта массы населенія, то, разумѣется, что и онъ отражаетъ въ себѣ главнымъ образомъ вліяніе фабричной жизни. Отличительныя черты такого быта принято называть развитостью, а крестьянина фабричнаго принято признавать развитѣе земледѣльца; при сближеніи съ этою развитостью трудно согласиться съ такимъ воззрѣніемъ. Правда, что восьмилѣтній фабричный куда какъ развязнѣе въ мысляхъ, движеніяхъ и рѣчахъ восьмилѣтняго ребенка въ деревнѣ, но увы: 14-ти и 15-ти лѣтъ эта развитость уже сливается какъ-бы въ одно съ развратомъ и затѣмъ дальнѣйшее психическое и логическое развитіе прекращается вовсе и является только въ видѣ исключенія, въ отдѣльныхъ лицахъ; но масса впивается въ фабричную жизнь и становится ко всему другому неспособною. Гораздо вѣрнѣе, намъ кажется, можно выразить нравственный бытъ фабричнаго крестьянина мѣткимъ словомъ нашего языка «человѣкъ бывалый»; и, дѣйствительно, чего не испыталъ такой рабочій съ самыхъ юныхъ лѣтъ, въ какихъ передѣлкахъ онъ не бывалъ, если взять всю сумму тѣхъ событій и ощущеній, которыя мальчика, выросшаго на деревенскомъ просторѣ, обратили въ человѣка, изо дня въ день живущаго среди душной и не всегда милой ему неволи. Не нужно быть поэтомъ, чтобы признавать все, чѣмъ сопровождалась эта ломка крестьянской натуры и затѣмъ передѣлка ея въ фабричную, и если тѣлесный организмъ такъ рѣзко проявляетъ

эту печальную метаморфозу, то неужели нравственный міръ, прежде чѣмъ придти къ грустной развитости фабричнаго, не испыталъ ни болѣзненной борьбы, ни мучительной тоски? Удивительно ли, что прошедши чрезъ такую школу, фабричный, подъ вліяніемъ самаго грубаго общежитія, способенъ уже на все махнуть рукою, и если не возвращается домой вовремя, пропадаетъ безвозвратно гораздо скорѣе своихъ сверстниковъ по деревнѣ.

«Казалось бы, что при изобиліи фабрикъ въ уѣздѣ, крестьянскій бытъ въ матеріальномъ отношеніи долженъ былъ быть обезпеченъ, а между тѣмъ нигдѣ, какъ здѣсь, мы не слышали столько жалобъ крестьянъ на бѣдность, и мало, гдѣ недоимки лежатъ на крестьянахъ въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, самыхъ богатыхъ фабриками. Въ то же время мы слышали изъ двухъ источниковъ отзывы крайне противоположные: крестьяне жалуются на слишкомъ незначительную плату за работу на фабрикахъ; фабриканты говорятъ, что въ послѣдніе годы рабочая плата стала съ каждымъ годомъ возвышаться, и работникъ, получавшій, лѣтъ пять назадъ, 6 — 7 рублей, получаетъ въ настоящее время 11 и 12 рублей и т. д. въ соразмѣрности этой пропорціи. При ближайшемъ изслѣдованіи этого вопроса, кажется, есть возможность согласить до извѣстной степени эти два отзыва: несомнѣнно, что крестьянинъ получаетъ теперь болѣе, чѣмъ прежде на фабрикѣ, но увы! съ одной стороны, онъ пропиваетъ гораздо болѣе, чѣмъ 5 лѣтъ назадъ; съ другой стороны, онъ сталъ работать небрежнѣе и гораздо чаще прежняго подвергается вычету штрафовъ изъ слѣдуемаго ему жалованья, такъ что по истеченіи рабочаго года, въ концѣ концовъ, если вычесть изъ заработка всю сумму пропитыхъ денегъ и сумму штрафовъ, оказывается, что онъ возвращается домой съ какимъ нибудь полтинникомъ въ карманѣ. Не всегда даже, говорили намъ крестьяне, такой рабочій сберегаетъ и высылаетъ домой сумму слѣдуемыхъ съ него податей и повинностей, а ужь о присылкѣ излишка въ помощь хозяйству нѣтъ и рѣчи. Работаетъ для хозяйства и для прокормленія дома своего обыкновенно отецъ, который идетъ наниматься на фабрику, когда, въ декабрѣ, истощается запасъ собственнаго хлѣба и приходится покупать его на чистыя деньги, да въ то же время уплачивать подушныя и оброки. Къ тому же, въ настоящее время, при дороговизнѣ шелка, множество шелковыхъ фабрикъ стоятъ безъ движенія; на иныхъ прежде работало до 500 человѣкъ; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это случилось, бо́льшая часть крестьянъ лишилась средствъ къ пропитанію; «кто пошелъ искать себѣ работы подальше, а кто сдѣлался нищимъ и живетъ милостынею», говорили намъ крестьяне этихъ мѣстно-

стей; «да куда намъ и идти, когда мы весь вѣкъ свой шелкъ только и работали, не за что и взяться, ни къ чему не способенъ», отвѣчали они намъ на вопросъ: почему не работаете вы на другихъ фабрикахъ, не шелковыхъ? Увы! такого рода отвѣтъ всего яснѣе показываетъ, какъ мало фабричная жизнь способствуетъ здѣсь къ развитію, обращая всѣ способности человѣка только на одинъ видъ работы, вслѣдствіе чего къ другому виду даже однородной работы онъ дѣлается какъ будто неспособнымъ» (Русс. Инв. 1867 г. № 85).

Какая, спрашивается, участь въ будущемъ готовится народонаселенію, воспитанному для такого фабричнаго дѣла, благосостояніе котораго поставлено въ полную зависимость отъ чужеземнаго продукта, а самое существованіе отъ размѣровъ тарифа? Сегодня нѣтъ хлопка, шелка на рынкѣ, завтра половина фабрикъ останавливаютъ свою работу; остальныя при множествѣ лишнихъ рабочихъ рукъ даютъ рабочему столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. И цѣлыя волости, какъ пишетъ тотъ же князь Мещерскій, разоряются въ конецъ или вымираютъ. Такова перспектива существованія всѣхъ фабрикъ и рабочихъ, занимающихся производствомъ ситца и шелка въ нашихъ близъстоличныхъ губерніяхъ. Но и самый тарифъ по крайней мѣрѣ въ размѣрѣ, нужномъ для этихъ фабрикъ, не вѣченъ. Не вѣчно же въ самомъ дѣлѣ русскій народъ будетъ кормить на свой счетъ гг. NN только за то, что они украшаютъ Россію фабриками! Если мы вѣримъ въ развитіе Россіи, то должны вѣрить и въ то, что мало по малу въ ней всюду будетъ развиваться самоуправленіе, достаточное для охраненія всякаго мѣстнаго производства, гдѣ будутъ тогда и нужные для этого капиталы и нужные люди, что явятся шелковыя и ситцевыя фабрики на Кавказѣ, которыя будутъ выдѣлывать ситцы и шелковыя матеріи и дешевые и лучше московскихъ или владимірскихъ, ибо тамъ сырье, нужное для обработки, будетъ дешевле, и содержаніе фабрикъ и рабочихъ дешевле, что по тѣмъ же причинамъ и лучше и дешевле будутъ выдѣлываться кожи въ пріуральскомъ и новороссійскомъ краѣ, чѣмъ въ Петербургѣ и т. д., что, однимъ словомъ, каждое производство найдетъ себѣ мѣсто по собственному выбору и оснуетъ себѣ тутъ гнѣздо. Что̀, спрашивается, будетъ тогда съ фабриками, созданными крѣпостнымъ правомъ и существующими тарифомъ? А главное, что̀ будетъ съ народонаселеніемъ, порабощеннымъ въ своей дѣятельности фабриками, народонаселеніемъ, которое и теперь уже довольно значительно, но которое можетъ еще разростись втрое, вчетверо, вдесятеро, если при помощи усиленнаго тарифа фабрики теперешней крѣпостной формаціи будутъ умно-

жаться въ числѣ и увеличиваться въ своихъ размѣрахъ? Ивановскіе фабриканты относительно себя, этотъ вопросъ будущаго рѣшаютъ впрочемъ очень просто. «Со днемъ уничтоженія тарифа (читай: значительнаго пониженія)—говоритъ князь Мещерскій — 9/10 фабрикъ въ селѣ Ивановѣ закроются: фабриканты станутъ жить доходами съ реализированныхъ капиталовъ; но, спрашивается, чѣмъ станутъ жить эти тысячи крестьянъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, привыкшіе къ фабричному быту, и тѣ другія тысячи крестьянъ на разстояніи 100 верстъ въ окружности, которые Ивановымъ кормятся?» Объ этомъ дѣйствительно стоитъ подумать, но стоитъ подумать не столько за настоящее, сколько за будущее. Въ настоящее время фабрики истощили, выродили, сдѣлали хилыми и никуда негодными еще не очень значительныя массы народа. Что кризисъ фабричный, въ случаѣ закрытія всѣхъ фабрикъ, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ перенесется народомъ безъ особеннаго бѣдствія,—это лучше всего доказывается опустѣніемъ Московско-Петербургскаго шоссе съ открытіемъ Николаевской желѣзной дороги. Извозомъ и исключительно однимъ извозомъ жило на шоссе по всей вѣроятности около мильйона народа, если не болѣе. Когда открылась желѣзная дорога, на шоссе работы не осталось почти никакой. Всѣ занимавшіеся извозомъ лишились своего прежняго пропитанія,—пострадали, но ничего... по міру не пошли. Мало по малу стали пріучаться къ земледѣлію, пріучаться къ другимъ заработкамъ, и вы можете ѣхать по шоссе и удостовѣриться, что бывшіе извощики живутъ не хуже крестьянъ въ другихъ деревняхъ. Такъ точно перенесло бы крушеніе крѣпостныхъ фабрикъ и теперешнее народонаселеніе, около нихъ питающееся. Но такъ ли легко черезъ 100 лѣтъ перенесется этотъ кризисъ, — мы сказать не можемъ. Теперь, напримѣръ, Владимірская губернія выдѣлываетъ фабрикатовъ на всѣхъ своихъ фабрикахъ и заводахъ всего на 25 мильйоновъ. А черезъ 100 лѣтъ, при помощи тарифа, она, можетъ быть, доведетъ выдѣлку ихъ до 500 мильйоновъ. Все населеніе будетъ испорчено и сдѣлано негоднымъ ни для какого труда, кромѣ фабричнаго.

Тогда уничтоженіе фабрикъ, дѣйствительно, быть можетъ, трудно будетъ переносить, и тогда, быть можетъ, скажемъ мы, подражая ивановскимъ фабрикантамъ, рабочіе должны будутъ умирать съ голоду и въ предсмертныя минуты благословлять, въ утѣшеніе себѣ и всему потомству, великую идею «ивановскихъ и другихъ протекціонистовъ объ осчастливленіи отечества устройствомъ фабрикъ, посредствомъ косвеннаго налога на народъ».

Что же, спросятъ насъ, дѣлать? Вѣдь нельзя же закрыть всѣхъ фабрикъ, заведенныхъ искусственно въ мѣстахъ, по природнымъ условіямъ неблагопріятныхъ для производства и существующихъ только при поддержкѣ тарифа? Конечно, нельзя, отвѣтимъ мы, но и поощрять ихъ возвышеніемъ тарифа, размножать, усиливать, никакъ не слѣдуетъ. Разъ навсегда должно быть принято неизмѣннымъ правиломъ, что тарифъ въ цѣломъ своемъ составѣ пересматривается только въ виду несомнѣнныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ отечественною промышленостію, и не иначе какъ только для своего пониженія, а никакъ не для возвышенія. Если-бы при этомъ нашлось какое нибудь производство, которое уже долго существовало и пользовалось усиленнымъ тарифомъ, а мѣжду тѣмъ, не въ состояніи было бы выдержать нѣкотораго его пониженія, сдѣланнаго по точномъ соображеніи съ ходомъ всей отечественной промышлености, и пало бы, то о такомъ производствѣ жалѣть нечего. Очевидно, что оно не имѣетъ будущности и, рано или поздно, непремѣнно падетъ. Поддерживать его усиленнымъ тарифомъ, значитъ только, на вѣтеръ бросать народныя деньги. Но рядомъ съ этимъ могутъ и должны быть поощряемы преміями, разными мѣстными льготами всѣ тѣ начинающіяся производства въ широкихъ размѣрахъ, которыя обѣщаютъ будущность, которыя заводятся въ мѣстахъ, по природнымъ условіямъ благопріятныхъ для производства, которыя имѣютъ цѣлію обработку продуктовъ, обильныхъ въ странѣ. Сколько есть такихъ производствъ, достойныхъ всякаго поощренія и поддержки! Одни изъ нихъ изстаринныя, имѣющія уже и теперь ростъ, которымъ надобно только немного вниманія, чтобы они получили быстрое развитіе. Такъ, что касается въ частности до фабрикъ бумажныхъ, то было бы гораздо лучше, если-бы вмѣсто покровительства имъ, мы обратили наше вниманіе на фабричную обработку льна и холста. Мы и теперь уже отпускаемъ полотна и холста за границу:

	По европейской торговлѣ	по азіатской.
	руб.	руб.
1860 . . .	976,931	212,118.
1861 . . .	676,572	114,304.
1863 . . .	1.453,689	104,055.
1864 . . .	926,712	107,627.
1865 . . .	1.051,994	143,916.

Мы не включаемъ въ это число веревокъ и канатовъ, которыхъ отпускается ежегодно въ Европу среднимъ числомъ на сумму около 1½ мильйоновъ.

Ясно, что мы и теперь полотна и холстъ выдѣлываемъ на столько недурно, что на нихъ есть требованіе по европейской торговлѣ. Требованіе это, конечно, сильно увеличилось бы, если-бы мы приложили руки къ этому производству. Но оно находится у насъ въ очевидномъ пренебреженіи. Всѣхъ фабрикъ, *обработывающихъ пеньку*, въ Статистическомъ Временникѣ значится 130; общая сумма ежегоднаго производства 4.271,120 р., *обработывающихъ ленъ* 102,—сумма производства 8.043,354 р. Итакъ во всей Россіи, которая всюду въ такомъ обиліи родитъ ленъ и пеньку, фабрикъ, обработывающихъ это продукты, всего 239 съ ежегоднымъ производствомъ на сумму съ небольшимъ 12 мильйоновъ рублей, а обработывающихъ хлопокъ 459 съ ежегодною суммою производства на 39.145.544 руб.

Чтобы работать какъ можно болѣе непроизводительнѣе и убыточнѣе для страны, мы совершаемъ въ этомъ случаѣ слѣдующую операцію:

Отпускаемъ за границу сырьемъ льна, пеньки, пакли и пряжи на сумму:

И въ то же время получаемъ изъ-за границы хлопка:

	По европейской торговлѣ.	По азіатской торговлѣ.
	На сумму:	
1860 г. 25.779,574	21.962,285	973,712
1861 » 24.434,731	23.880,058	843,215
1862 » 29.331,911	6.890,502	1.864,991
1863 » 27.856,894	11.148,897	3.840,782
1864 » 28.949,524	26.345,817	9.421,353

Такимъ образомъ, отдавая все свое сырье и получая вмѣсто него чужое, мы еще приплачиваемъ за послѣднее деньгами, какъ напримѣръ, въ 1864 году приплатили за хлопокъ около 6-ти мильйоновъ!

Можно бы было изъ этого заключить, что мы отлично обработываемъ хлопокъ, а ленъ и пеньку довольно посредственно и намъ ничего не стоитъ промѣнять въ очевидную невыгоду себѣ свое сырье на постороннее даже съ приплатою деньгами, потому что, что̀ мы потеряли при невыгодной мѣнѣ сырьемъ съ присоединеніемъ къ тому приплаты, мы вознаградимъ съ лихвою на выдѣлкѣ чужаго сырья. Ничего этого нѣтъ. Хлопокъ мы выдѣлываемъ еще хуже, чѣмъ ленъ и пеньку. Ибо издѣлія изъ льна и пеньки, положимъ, только нисшихъ сортовъ идутъ, какъ мы видѣли, за европейскую границу, а издѣлій изъ хлопка въ Европу не идетъ ни на одинъ рубль. Они идутъ только за азіатскую границу. И то какъ идутъ?

	Отпускъ по азіатской торговлѣ.	Привозъ по азіатской торговлѣ.
Бумаги хлопчатой и пряденой:		
1860 г.	280,942	973,712
1861 »	500,420	843,215
1862 »	329,970	1.864,921
1863 »	656,488	3.840,782
1864 »	743,536	2.421,353
Бумажныхъ издѣлій:		
1860 г.	3.826,884	2.969,802
1861 »	4.417,648	3.143,782
1862 »	4.241,645	2.823,676
1863 »	3.049,333	2.637,637
1864 »	4.073,155	3.008,755

То-есть мы продали за азіатскую границу нашихъ бумажныхъ издѣлій въ теченіе 5 лѣтъ на 4 мильйона болѣе, чѣмъ сколько получили ихъ оттуда въ теченіе того же времени. Но за то получили оттуда болѣе 6-ти мильйоновъ излишка нетолько на бумагѣ хлопчатой, но и пряденой. Странно послѣ этого, что наши протекціонисты питаютъ Богъ-вѣсть на чемъ основанныя надежды, что наше бумажное производство завладѣетъ азіатскимъ рынкомъ. Это было бы возможно развѣ только тогда, когда мы могли бы надѣяться оцѣпить когда нибудь нашими таможнями всю Азію. Но такъ-какъ это невозможно, а между тѣмъ опытомъ доказано, что англійскія бумажныя издѣлія, привезенныя моремъ въ Китай и потомъ черезъ Китай перевезенныя въ Кяхту, все-таки выдерживаютъ конкуренцію съ нашими бумажными издѣліями, то мечтать о владычествѣ на азіатскомъ рынкѣ съ нашими владимірскими, костромскими, московскими и т. д. бумажными издѣліями, немогущими жить безъ тарифа и одного дня, значитъ только напрасно себя тѣшить несбыточными мечтами.

Явно, что наши издѣлія обречены навсегда имѣть сбытъ только на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Но чтобы они не могли быть вытѣснены и отсюда, мы должны охранять ихъ огромнымъ косвеннымъ налогомъ.

Не очевидна ли вся убыточность производимой нами операціи? Мы невыгодно обмѣниваемъ наше сырье, ленъ и пеньку, изъ котораго можемъ вырабатывать хотя посредственный продуктъ, на продуктъ чужеземный, изъ котораго можемъ дѣлать только дурной продуктъ и притомъ за дорогую цѣну, не имѣемъ никакой надежды, чтобы этотъ продуктъ когда нибудь сталъ у насъ обработываться лучше; сами фабриканты говорятъ, что они ни-

когда не будутъ въ состояніи этого дѣлать и, несмотря на все это, упорно заставляемъ народъ давать деньги на поддержку этого производства.

Не ясно ли, что мы поддерживаемъ только благосостояніе гг. NN и ZZ и XX, неразумно построившихъ фабрики, и дѣйствуемъ во вредъ отечественному благосостоянію?

Въ сущности наша операція въ мѣнѣ льна и пеньки на хлопокъ и въ обработкѣ вмѣсто первыхъ послѣдняго похожа на слѣдующую:

Представимъ себѣ, что назадъ тому 30, 40 лѣтъ нашимъ фабрикантамъ и заводчикамъ пришло бы на мысль, что намъ выгоднѣе выдѣлывать виноградное вино, чѣмъ хлѣбную водку. Обстоятельства сложились бы такимъ образомъ, что на нашу мысль взглянули бы какъ на дѣльную и обѣщали бы насъ поддерживать въ конкуренціи съ иностранцами усиленнымъ тарифомъ. И вотъ мы устроили бы въ губерніяхъ: Владимірской, Московской, Костромской, Ярославской, однимъ словомъ тамъ, гдѣ существуютъ теперь бумажныя фабрики, винодѣльные заводы, повезли бы весь избытокъ нашего хлѣба за границу и мѣняли его на виноградъ, приплачивая недостающее деньгами. Вино, выдѣлываемое при такихъ условіяхъ, обходилось бы страшно дорого и было бы скверное. И конечно, никогда никакой надежды не было бы, чтобы оно достигло одинаковой доброты и стоимости съ иностраннымъ. Но видимость была бы та же, что̀ и теперь съ бумажными фабриками. Заводовъ было бы много, работой занято было бы множество рукъ, вино при помощи сильнаго тарифа расходилось бы на внутреннемъ рынкѣ, даже попадало бы за азіатскую границу. Нелѣпость и убыточность для страны подобнаго производства была бы очевидна. Но если кто нибудь сталъ бы говорить объ этомъ и утверждать, что надобно непремѣнно развязаться съ такимъ производствомъ, основавшимся, очевидно, случайно и неразумно, а для этого надобно время отъ времени понижать тарифъ, чтобы злоупотребляемые въ немъ капиталы отвлекались отъ него и обращались къ другимъ производствамъ хоть въ томъ же родѣ, напримѣръ, къ выдѣлкѣ хлѣбной водки вмѣсто виноградная вина,—то не вооружились ли бы противъ такого вольнодумца всѣ винодѣлы, затратившіе большіе капиталы для своихъ заведеній и лично для себя находящіе его очень выгоднымъ? Не стали ли бы они, подобно нынѣшнимъ Ивановскимъ фабрикантамъ, утверждать, что хотя они и дѣлаютъ дѣйствительно скверное вино и впредь лучшаго дѣлать не могутъ по дороговизнѣ этого производства

въ Россіи, но что тѣмъ не менѣе они благодѣтели народа — и какъ скоро закроютъ ихъ заводы, народу нечѣмъ будетъ питаться? Не стали ли бы наконецъ вслѣдъ за ними ученые протекціонисты, заботящіеся единственно объ украшеніи государства фабриками и заводами,—а убытокъ они приносятъ или пользу, имъ все равно,—кричать противъ означеннаго вольнодумца и требовать, чтобы тарифъ для вящшаго процвѣтанія винодѣлія во Владимірской, Костромской, Московской губерніяхъ былъ еще возвышенъ?

Та же самая исторія повторяется теперь и у насъ и будетъ долго повторяться нетолько съ фабриками бумажными, но и со многими другими, несоображенными съ природными условіями страны. Исходъ ихъ одинъ—неизбѣжное уничтоженіе или теперь или въ будущемъ. Фабрики хлопчатобумажныя имѣютъ то преимущество передъ другими, что постепенно, мало по малу, могутъ перемѣстить свои капиталы для болѣе или менѣе сподручной имъ обработки льна и пеньки. Мы думаемъ, что правительство имѣетъ всю возможность рядомъ мѣръ способствовать съ одной стороны усиленію, улучшенію нашего льняного и пеньковаго производства, стѣсненію хлопчатобумажнаго производства въ мѣстахъ, неблагопріятныхъ для него по природнымъ условіямъ, привлеченію капиталовъ изъ этого производства однихъ къ производству льняному и пеньковому, другихъ къ заведенію фабрикъ въ мѣстахъ обработки отечественнаго хлопка, къ усиленію разведенія сего послѣдняго и т. п. Усиленіе льнянаго и пеньковаго производства даже посредствомъ усиленнаго тарифа имѣло бы ту выгоду, что тарифъ этотъ не ложился бы такъ тяжело на народъ, какъ тарифъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. Потому что въ льняномъ и пеньковомъ производствѣ была бы сильная внутренняя конкуренція, которой нѣтъ и не можетъ быть въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ. Усиленіе льнянаго и пеньковаго производства усилило бы, можетъ быть, удвоило бы и утроило бы земледѣльческое разведеніе льна и пеньки въ Россіи. Такимъ образомъ, деньги отъ русской промышлености шли бы, какъ то и должно быть, на поддержку отечественнаго земледѣлія, а не американскаго. Въ производствѣ льняномъ и пеньковомъ мы можемъ надѣяться стать рано или поздно на одну ступень съ европейскимъ производствомъ, а, можетъ быть, и выше его. Въ видахъ этого пріятнаго, хотя, можетъ быть, и очень отдаленнаго будущаго, все-таки есть и основаніе и утѣшеніе для платы налога, но странно и тяжело платить его единственно въ пользу благосостоянія гг. фабрикантовъ NN и ZZ и ихъ потомствъ.

Кромѣ городовъ, съ эксплуатирующею промышленостію крупною, о которой мы говорили доселѣ, и которая по особеннымъ условіямъ нашей жизни могла основаться только въ столицахъ и близъ столицъ, у насъ еще есть много городовъ съ эксплуатирующею промышленостію мелкою, созданною также подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостнаго права. Всѣ эти города находятся въ нашемъ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ и по своей формаціи не имѣютъ ничего похожаго на наши чисторусскіе города. Мелкая промышленость создана въ тѣхъ и другихъ двумя совершенно различными началами: въ городахъ чисто-русской формаціи — кулакомъ, въ городахъ польской промышлености формаціи — евреемъ. Еврей по природѣ своей горожанинъ. Онъ не можетъ заниматься земледѣліемъ, неподвижная жизнь несложныхъ, однообразныхъ деревенскихъ отношеній для него невыносима. Его стихія—города, полные движенія и блеска, гдѣ онъ имѣетъ возможность примѣнить свои многоразличные городскіе таланты — торговые, ремесленные, промышленные, факторскіе. Если необходимость заставляетъ его жить въ городахъ, гдѣ нѣтъ такой стихіи, онъ старается ее самъ создать, на сколько можетъ. Съ рѣдкимъ чутьемъ и тактомъ онъ угадываетъ потребности и слабости населенія, нужныя для его цѣли, ухаживаетъ за ними, воспитываетъ ихъ, всевозможными средствами старается облегчить ихъ удовлетвореніе, и наконецъ, дѣйствительно образуетъ изъ нихъ источникъ дохода для себя. Гдѣ въ городѣ собралась болѣе или менѣе значительная кучка евреевъ, сдѣлавшаяся по своей численности замѣтною среди населенія, тамъ непремѣнно образуется что-то похожее на городское движеніе. Всѣ жители непремѣнно перепутываются тѣми или другими отношеніями, и бѣдно или богато, но еврей живетъ на счетъ этихъ отношеній. Русскій кулакъ не выработался пока для такой созидающей дѣятельности. Онъ родился въ деревнѣ, воспитался среди однообразныхъ и простыхъ деревенскихъ отношеній. Находя эту жизнь мало соотвѣтствующею своему призванію, онъ перебрался въ городъ. Но русскій городъ съ своими простыми, немногосложными отношеніями, мало чѣмъ отличающимися отъ деревенскихъ, не могъ дать ему особеннаго развитія. Русскій кулакъ понялъ торговлю только въ ея простыхъ, грубыхъ формахъ, въ формахъ удовлетворенія разнымъ животнымъ потребностямъ. Онъ умѣетъ торговать мукой, крупой, мясомъ, чаемъ и т. д., но онъ не понимаетъ, что можно торговать и умомъ, и знаніемъ, и красотой, и добродѣтелями, и пороками, и слабостями,

и послѣдними всегда гораздо выгоднѣе въ мелочной торговлѣ, чѣмъ первыми. Еврей, напротивъ, твердо знаетъ и хорошо ведетъ всѣ роды торговли. Въ той сферѣ, которую изучилъ кулакъ, онъ несравнимъ. Никто съ такимъ добродушнымъ, набожнымъ видомъ не заманитъ покупателя въ ловушку, никто такъ ловко не проведетъ его, не обмѣритъ, не обвѣситъ, не надуетъ товаромъ, какъ русскій кулакъ. Тутъ еврей смѣло можетъ только поучаться у него съ полнымъ смиреніемъ. Но сфера кулака очень ограниченна. У него нѣтъ той подвижности, той обтесанности, той иниціативы, той разносторонности, которыя бы дѣлали его нужнымъ для всѣхъ и отдавали въ его руки все, и которыми вполнѣ владѣетъ еврей. Всюду, куда бы ни посадили кулака, онъ мало-по-малу съумѣетъ примѣниться къ существующимъ отношеніямъ и характеру населенія и рано или поздно завладѣетъ городомъ. Но онъ можетъ только придти въ готовый, созданный городъ, а самъ его не создастъ. Еврей самъ для себя создаетъ городъ.

Такимъ образомъ создано евреемъ и держится имъ городское движеніе нашихъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ городовъ. На первый взглядъ тамошніе города кипятъ жизнію и дѣятельностію. Процентное содержаніе въ нихъ городскаго народонаселенія значительнѣе многихъ изъ нашихъ лучшихъ и дѣйствительно торговыхъ городовъ. Такъ, напримѣръ, въ Гродненской губерніи процентъ городскаго населенія, въ отношеніи къ населенію всей губерніи, составляетъ 13,9, въ Виленской 11, въ Минской 10,2, въ Могилевской 10,9, въ Ковенской 8, тогда какъ наши лучшія и дѣйствительно торговыя губерніи, какъ напримѣръ Саратовская, Харьковская и т. д. имѣютъ городскаго населенія: Харьковская 12,6 процентовъ, Саратовская 12, Казанская 6,5, Тамбовская 7,7, Воронежская 4,8, Пермская 4,1 и т. д. Точно также сравнительно весьма значительное процентное содержаніе городскаго населенія имѣютъ и столичныя и около столичныя губерніи крупной крѣпостной промышлености, о которыхъ мы говорили выше. Такъ не говоря уже о губерніяхъ Петербургской и Московской, изъ которыхъ въ первой считается 54,4 процента городскаго населенія, въ Московской 26,8, имѣютъ его Калужская 9,6, Тверская 8,3, Владимірская 6,7, Ярославская 8,7, Костромская 5,4.

Но что вся эта жизнь дѣятельныхъ городовъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, выражаемая значительностію процентнаго содержанія городскаго населенія, а въ городахъ крупной промышлености сверхъ того обиліемъ заводовъ и фабрикъ, есть чистый миражъ, нѣчто ненормальное, искуственное, въ существѣ дѣла не-

только не полезное, но и вредное для страны, это всего лучше доказывается отношеніемъ прироста городскаго населенія къ сельскому и общему.

Повторимъ здѣсь то, что мы сказали выше. Городъ и деревня, при правильной постановкѣ, не могутъ дѣйствовать во вредъ другъ другу, напротивъ они должны помогать другъ другу: городъ долженъ увеличивать благосостояніе деревни, а деревня благосостояніе города. И только на такой основѣ созидаемое народное благосостояніе можетъ быть и прочнымъ, и надежнымъ, и дѣйствительно цвѣтущимъ; тамъ же, гдѣ городъ начинаетъ разорять деревню, гдѣ онъ думаетъ блестѣть и цвѣсти на счетъ ея благосостоянія, каждодневно все болѣе и болѣе и болѣе подкапываемаго,—какъ бы онъ временно ни цвѣлъ и ни блестѣлъ, кончится все тѣмъ, что разоривъ деревню, онъ рано или поздно разорится самъ и придетъ въ самое жалкое состояніе.

Въ такомъ именно эксплуатирующемъ отношеніи къ деревнѣ находятся тѣ промышленные и торговые города, о которыхъ мы говорили выше. Пусть читатель взглянетъ на таблицу № 2-й онъ увидитъ, что тѣ именно губерніи, которыя имѣютъ у насъ, повидимому, самое блестящее промышленное развитіе, дали самый *плохой* процентъ сельскаго и самый *высокій* городскаго (Ниже мы покажемъ ему, что это не такъ бываетъ въ губерніяхъ съ промышленостію, правильно развивающеюся).

	Въ теченіе 12 лѣтъ дали приросту городскаго населенія губерніи:	Въ теченіе того же времени дали приросту сельскаго населенія:	Общее процентное содержаніе город. населенія въ губерн.
1.	Ковенская	77,3	9	8
2.	Смоленская	52,8	2,3	7,4
3.	Гродненская	49,7	2,1	13,9
4.	Минская	47	2,1	10,2
5.	Костромскаяя	39,	1	5,4
6.	Витебская	36,5	2,5	13
7.	Эстляндская	21,6	1,8	11
8.	Тульская	17,9	2	9,3
9.	Владимірская	13,9	3,2	6,7
10.	Рязанская	13	2,8	6,1
11.	Ярославская	9,9	0,8	8,7
12.	Московская	6,7	1	26,8
13.	Петербургская	7,7	3,2	54,4
14.	Курская	3,5	5,8	6,6
15.	Таврическая	— 11,5	— 3,5	—
16.	Калужская	— 1,5	— 1,1	9,6

Если изъ 16 губерній, нами поименованныхъ, исключимъ Таврическую, давшую убыль народонаселенія, вслѣдствіе случайныхъ мѣстныхъ причинъ, и Курскую, неотличающуюся своимъ городскимъ движеніемъ и разъѣдаемую въ своемъ народонаселеніи сильною эксплуатаціею крѣпостнаго права, мы получимъ 14 губерній, изъ которыхъ семь, именно: Владимірская, Костромская, Петербургская, Московская, Ярославская, Калужская, Рязанская принадлежатъ къ числу первоклассныхъ изъ нашихъ промышленныхъ губерній, производящихъ на сумму свыше четырехъ мильйоновъ фабричныхъ издѣлій, двѣ къ числу также очень значительныхъ въ этомъ отношеніи, какъ производящихъ фабричныхъ издѣлій на сумму свыше 2 мильйоновъ. Остальныя пять отличаются своимъ городовымъ движеніемъ.

Очевидно, что ни фабричная промышленость, ни значительное городское движеніе исчисленныхъ нами губерній не помогаютъ нисколько процвѣтанію сельскаго населенія, напротивъ на счетъ его усиливаются только сами. Ибо какъ бы въ нихъ ни возрастало городское населеніе, путемъ ли естественнаго размноженія или переходомъ значительнаго числа сельскихъ жителей въ городскія состоянія, во всякомъ случаѣ это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что сельское населеніе въ нихъ не благоденствуетъ. Въ болѣе правильномъ повидимому отношеніи стоитъ движеніе городскаго населенія къ сельскому въ губерніяхъ Петербургской и Московской. Но это только повидимому. Въ сущности, мы думаемъ, городское населеніе этихъ губерній переполнилось до того несоразмѣрно нетолько съ естественными, но и созданными, искуствомъ, условіями для жизни, что сдѣлалось тяжело для себя и находится на пути къ бо̀льшему и большему истощенію, сближаясь въ этомъ случаѣ съ давно уже истощенной деревней. Конецъ этого пути тотъ же самый, до котораго дошли теперь губерніи Ярославская и Калужская, представляющія по послѣднимъ свѣдѣніямъ убыль, какъ въ сельскомъ, такъ и въ городскомъ народонаселеніи. Населеніе первой въ 1863 году уменьшилось на 870 душъ, въ 1866 болѣе чѣмъ на 4,300 душъ, а населеніе второй за 1866 годъ уменьшилось на 3,200 душъ. (Русск. Инвал. № 260).

Иное явленіе представляютъ намъ города, къ которымъ промышленость и торговля привиты не искуственнымъ способомъ, гдѣ, напротивъ, послѣднія вызваны благопріятными условіями природы и развились подъ ихъ вліяніемъ. Такихъ городовъ пока есть немного у насъ, и всѣ они до настоящаго времени могли дѣйствовать только подъ бо̀льшимъ или меньшимъ гнетомъ крѣ-

постнаго права, но и въ такомъ состояніи они дали блестящіе результаты. Назовемъ здѣсь Одессу, Таганрогъ, Ростовъ на Дону, Харьковъ, Кіевъ, Тамбовъ, Казань, Самару, Пермь. Почти всѣ губерніи, въ которыхъ находятся эти города, кромѣ торговаго своего значенія, имѣютъ и сильно промышленное развитіе. Такъ, Херсонская, Пермская, Кіевская относятся къ числу первоклассныхъ нашихъ губерній по фабричному и заводскому производству; въ Казанской, Самарской, Тамбовской, Херсонской, производство это также весьма значительно. Но фабричное и заводское производство здѣсь не поѣдаетъ сельскаго населенія, какъ въ губерніяхъ близь столичныхъ, напротивъ, способствуетъ къ увеличенію извѣстной доли его благосостоянія. Это потому, что фабрики и заводы занимаются здѣсь по преимуществу обработкою продуктовъ мѣстныхъ или самой губерніи или близь-лежащихъ губерній, слѣдовательно, служатъ мѣстомъ сбыта для сельскихъ произведеній. Для фабричныхъ работъ населеніе даетъ только избытокъ рукъ, остающійся у него отъ земледѣлія, ибо находя достаточное вознагражденіе въ земледѣльческомъ трудѣ, не имѣетъ нужды искать пропитанія на фабрикахъ. Потому здѣсь нѣтъ фабричной лихорадки близь-столичныхъ губерній; число фабрикъ не выходитъ изъ нормальныхъ условій страны. Основывается фабрикъ столько, сколько нужно по производимымъ продуктамъ страны и по предполагаемому числу свободныхъ отъ земледѣлія рукъ, и не можетъ быть того разсчета, что можно все населеніе за ничтожный заработокъ поголовно превратить въ фабричныхъ рабочихъ, какъ разсчитываетъ это фабрикантъ въ губерніяхъ голодныхъ.

Вотъ почему сельское и городское народонаселеніе возрастаетъ здѣсь болѣе или менѣе ровно, рука объ руку; послѣднее въ своемъ движеніи превосходитъ первое лишь на столько, на сколько городъ представляетъ болѣе гигіеническихъ условій для здоровья, чѣмъ деревня. Такъ

	въ теченіе 12-ти лѣтъ дали прироста въ населеніи сельскомъ	въ теченіе того же времени дали прироста городскаго населенія	общее процентное содержаніе городскаго населенія.
Херсонская . .	40,6	58	25,6
Харьковская . .	32,9	38,1	12,5
Екатеринославская	16,2	72,1	12,4
Кіевская . . .	16,3	34	11,1
Тамбовская . .	15,7	37,7	7,7
Казанская . . .	14,4	34	6,5

Мы не говоримъ, чтобы правильность движенія народонаселе-

нія въ тѣхъ губерніяхъ, которыя мы сейчасъ наименовали, была вполнѣ нормальная. Нѣтъ, и въ нихъ она далеко еще не нормальная, потому что и онѣ состояли подъ бо́льшимъ или меньшимъ давленіемъ крѣпостнаго владѣнія. Тѣмъ не менѣе, однакожь, даже по нимъ мы можемъ судить, какъ далеко отъ нормы отношеніе города къ деревнѣ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя мы по простотѣ своей почитаемъ цвѣтущими промышленостію и торговлею.

Кромѣ того, изъ ихъ примѣра для насъ выясняются нѣкоторыя другія полезныя истины.

1) Мы видимъ, что Херсонская Губернія съ городскимъ народонаселеніемъ въ 25,6% нетолько отлично пропитываетъ свое сельское народонаселеніе, но и дало огромный приростъ въ немъ, самый большой въ Россіи, именно въ 40%; между тѣмъ, наши сѣверныя, мнимо промышленныя и торговыя губерніи, нетолько равносильныя съ нею по процентному содержанію городскаго народонаселенія, какъ, напримѣръ, Московская, но даже и съ процентомъ этого населенія гораздо ничтожнѣйшимъ, какъ напримѣръ, Владимірская съ 6,7, Ярославская съ 8,7, Костромская съ 5,4, Калужская съ 9,6 и т. п., влачатъ самое бѣдственное существованіе и въ теченіе того же времени дали приросту въ сельскомъ народонаселеніи отъ 3 до 0,9, а нѣкоторыя обозначились прямымъ дефицитомъ. Ясно, что увеличеніе городскаго народонаселенія само по себѣ не можетъ служить во вредъ странѣ, напротивъ, оно непремѣнно служитъ къ увеличенію ея благосостоянія, если городъ создается въ силу природныхъ, благопріятныхъ для торговаго и промышленнаго развитія условій. И, напротивъ, городъ непремѣнно разоряетъ страну, если онъ создается искуственно, случайно, безъ строгаго соображенія съ этими условіями.

2) Развитіе промышлености и торговли стоитъ въ тѣсной связи и точномъ соотвѣтствіи съ плодородіемъ и вообще натуральными богатствами данной страны. Ими опредѣляется его потребность и размѣръ. Во всякой десятинѣ земли положено извѣстное количество натуральныхъ богатствъ, которое при той или другой обработкѣ ихъ, при томъ или другомъ употребленіи могутъ пропитывать то или другое количество людей, но всегда есть предѣлъ, далѣе котораго ихъ производительность не можетъ быть возвышена никакимъ искуствомъ. Если Каменецъ-Подольская губернія почти безъ всякаго особеннаго развитія промышлености пропитываетъ теперь на одной квадратной верстѣ 50 человѣкъ, то Владимірская губернія была бы не въ состояніи

этого сдѣлать при самомъ правильномъ и сильномъ промышленномъ развитіи. Всякое народонаселеніе, болѣе или менѣе обширной мѣстности, каковы, напримѣръ, наши губерніи, чѣмъ бы ни занимались различные его члены, пропитывается единственно натуральными богатствами, содержащимися въ ихъ странѣ. Промышленость и торговля могутъ только облегчать, удешевлять, усовершенствовать способы добыванія этихъ богатствъ, ихъ обработки, сбыта, но сами они не могутъ прибавить къ нимъ ни одного золотника лишняго. Поэтому промышленость и торговля только тогда полезны странѣ, когда онѣ привлекаютъ народонаселеніе страны къ разработкѣ натуральныхъ богатствъ, въ ней содержащихся, и помогаютъ ей въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ онѣ вредны. Конечно, вредъ ихъ очень незначителенъ, если онѣ, разработывая чужеземные продукты, беругъ въ странѣ только избытокъ рукъ, остающихся отъ разработки своихъ собственныхъ богатствъ. Въ этомъ случаѣ онѣ только разыгрываютъ въ отношеніи своего отечества ничтожную роль мартышки, катающей чурбанъ. Но вредъ этотъ становится громаденъ, гибеленъ для государства и по своимъ послѣдствіямъ очень опасенъ, если цѣлыя массы населенія, оставляя въ пренебреженіи прямой источникъ пропитанія, агитируются промышленостію и торговлею къ пропитанію случайному, невѣрному, основанному на эксплуатаціи другихъ, условливающейся единственно невѣжествомъ этихъ другихъ. На такой эксплуатаціи можетъ основывать источникъ своего пропитанія только то государство, которое до послѣдней возможности разработало свои собственныя натуральныя богатства, потому владѣетъ избыткомъ рукъ и капиталовъ, которое при томъ до высшей степени довело техническіе способы обработки и, слѣдовательно, на цѣлые вѣка обезпечено относительно невозможности какой бы то ни было чужеземной конкуренціи со своими производствами, но и такое государство (Англія) употребляетъ эту эксплуатацію лишь относительно иноземныхъ государствъ. Внутри же одного и того же государства всякая подобнаго рода эксплуатація одной мѣстности относительно другой нетолько неразсчетлива, но и безсмысленна; такъ точно, какъ было бы безсмысленно воровство и мотовство денегъ изъ своихъ собственныхъ кармановъ, въ томъ предположеніи, что эти деньги не свои, а чужія.

То же, что мы сказали о промышлености и торговлѣ, занимающихся разработкою и сбытомъ чужеземныхъ продуктовъ, мы должны сказать и о той промышлености и торговлѣ, которыя занимаются разработкою и сбытомъ отечественныхъ натураль-

ныхъ богатствъ въ такой странѣ, гдѣ этихъ богатствъ нѣтъ, и которыя должны привозиться сюда издалека. Подобная торговля и промышленость обыкновенно скучиваетъ огромныя массы людей въ такія мѣстности, гдѣ природа не положила и сотой доли богатствъ, нужныхъ для ихъ пропитанія. Оттого цѣны на все страшно повышаются противъ внутреннихъ цѣнъ страны, и избытокъ ихъ оплачивается въ прямыхъ или косвенныхъ налогахъ цѣлою страною. Далѣе, именно вслѣдствіе природныхъ неудобствъ мѣстности, является необходимость въ такихъ сооруженіяхъ, которыя въ другой мѣстности не потребовались бы, и въ такихъ услугахъ и работахъ, которыя въ другой мѣстности также были бы ненужны, и все это снова оплачивается цѣлою страною. Наконецъ, въ довершеніе всего этого, погребенные въ подобныхъ мѣстностяхъ безчисленные капиталы дѣлаются тормозомъ для правильной постановки промышленнаго движенія въ цѣломъ государствѣ. Въ сущности всякая подобная промышленость и торговля есть самая вредная внутренняя монополія, которая можетъ держаться только на эксплуатаціи немногими умственныхъ и матеріальныхъ силъ цѣлаго народа, происходитъ же она отъ несвободнаго и неравномѣрнаго размѣщенія капиталовъ и знанія въ странѣ вслѣдствіе недостатка правильнаго общественнаго устройства.

Всѣ эти истины, которыя мы выясняемъ, сами по себѣ очень просты и очевидны для всякаго. Но очень часто многовѣковое неправильное развитіе страны создаетъ такое ложное положеніе вещей и отношеній, при которомъ самая святая истина представляется для многихъ абсурдомъ, и напротивъ, очевидные абсурды играютъ роль ходячихъ истинъ или аксіомъ. Таково въ данномъ случаѣ положеніе и нашего общества.

Въ настоящее время рѣшается у насъ вопросъ о тарифѣ. Разсмотрѣніе его предоставлено особой коммисіи, учрежденной отъ правительства, но къ участію въ вопросѣ, ею разсматриваемомъ, привлечены разные фабриканты и заводчики въ качествѣ *экспертовъ*. Такъ они называются и официально. Многимъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ въ число экспертовъ по тарифу могли попасть фабриканты и заводчики, такъ точно, какъ показалось бы страннымъ, еслибы по вопросу объ отмѣнѣ откупа или о пониженіи откупныхъ доходовъ были привлечены къ обсужденію въ качествѣ экспертовъ сами откупщики. Очень понятно, что должны говорить откупщики, вопрошонные относительно пользы откупа, а заводчики и фабриканты относительно пользы тарифа. Все это такъ... Но съ другой стороны,

если обойти самихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, то кого же у насъ можно пригласить для обсужденія тарифнаго вопроса? Публика наша въ теченіе столѣтій воспитывалась вдали отъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, и въ бо́льшей части своей не имѣетъ вовсе никакого о нихъ понятія и не интересуется ими. Меньшинство же ея, если и имѣетъ понятіе о нѣкоторыхъ вопросахъ, то интересуется ими болѣе всего лично, на сколько они касаются обыденныхъ, личныхъ каждаго интересовъ. Въ такой формѣ занимаетъ это меньшинство публики, если только занимаетъ, и вопросъ о тарифѣ. Но личный интересъ каждаго въ вопросѣ о тарифѣ для бо́льшей части понимающей публики, конечно, не имѣетъ никакой важности. Заплатить въ годъ рублями 20-ю больше или меньше на разныя употребляемыя издѣлія, разсчетъ, конечно, не особенно важный; вотъ почему въ публикѣ не примѣчается ни возбужденія, ни даже особеннаго вниманія по поводу пересмотра тарифа. За то это возбужденіе и это вниманіе очень сильны въ средѣ фабрикантовъ и заводчиковъ. Они употребляютъ всевозможныя средства, какія только у насъ употребить можно, чтобы повліять на рѣшеніе тарифной коммисіи. Они дѣйствуютъ и черезъ земство, и черезъ разныя другія собранія, и черезъ органы печати. Всюду раздается одинъ дружный кликъ: «Отечество погибнетъ, если тарифъ не возвысится».

Въ виду этого, нельзя не пожалѣть, что наша публика остается хладнокровною къ вопросу о тарифѣ. Вопросъ этотъ въ настоящее время имѣетъ для насъ такое значеніе, какое едва-ли когда-нибудь имѣть можетъ. Дѣло идетъ не о большей или меньшей правомѣрности налога на народъ, ни даже о поддержаніи только фабрикъ и заводовъ крѣпостной формаціи, угрожающихъ застоемъ движенію отечественной промышленности на долгія времена — дѣло идетъ просто-на́просто о закрѣпощеніи народнаго труда.

Послѣ освобожденія крестьянъ, для многихъ землевладѣльцевъ очень чувствительна стала потеря дарового крестьянскаго труда, и давно уже при́искивается новая удобная форма для его закрѣпощенія. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ «Московскія Вѣдомости», исходя изъ той мысли, что крестьянинъ не есть еще полный собственникъ нарѣзанной ему по Положенію 19-го февраля земли, пока онъ не имѣетъ права отчуждать ее, какъ и другіе землевладѣльцы — предлагали предоставить крестьянамъ право продавать принадлежащіе имъ поземельные участки. Черезъ это, говорили они, многіе крестьяне сдѣлаются безземельными, а это дастъ возможность крупнымъ землевладѣльцамъ, при помощи

бездомныхъ батраковъ, основать большія хозяйственныя экономіи на манеръ европейскихъ — экономіи, которыя поднимутъ отечественное земледѣліе.

Теперь къ такому же закрѣпощенію крестьянскаго труда подходятъ съ другой стороны. Говорятъ: трудъ крестьянина *несвободенъ*, пока онъ привязанъ въ земледѣлію. Земледѣльческіе продукты стоятъ у насъ въ низкой цѣнѣ, и крестьянинъ убиваетъ трудъ на немъ единственно для пропитанія, ничего не пріобрѣтая въ запасъ. Надобно возвышеннымъ тарифомъ усилить фабричное производство. Фабрики возвысятъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ. Крестьянинъ будетъ обирать тогда деньги и съ земледѣльческихъ продуктовъ и съ фабрикъ, трудъ его будетъ *свободенъ* и онъ заживетъ припѣваючи.

Представителями мысли *о свободномъ* крестьянскомъ землевладѣніи были даровитые издатели «Московскихъ Вѣдомостей»; теперь представителемъ мысли *о свободномъ* крестьянскомъ трудѣ является также одинъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, г. Колюпановъ. Какъ нѣкогда Кобденъ сосредоточилъ всю энергію своей дѣятельности, чтобы вырвать изъ рукъ англійской аристократіи монополію хлѣбной торговли и, удешевивъ цѣну на хлѣбъ, спасти народъ отъ голода и нищеты, такъ г. Колюпановъ употребляетъ всю энергію, возможную для его дѣятельности, чтобы искуственно поднять цѣну хлѣба черезъ фабричную и заводскую монополію, и подвергнувъ пропитаніе народа всевозможнымъ случайностямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ ударомъ убить и правильное движеніе нашей промышленности вообще и земледѣліе нашихъ сѣверныхъ губерній. Конечно, мы считаемъ подобный образъ дѣйствій съ его стороны не болѣе, какъ печальнымъ недоразумѣніемъ, но это недоразумѣніе онъ облекаетъ въ такіе красивые софизмы, и такъ смѣло новое крѣпостное ярмо выдаетъ за вѣнецъ народной свободы, что мы почитаемъ своимъ долгомъ остановиться на докладѣ, читанномъ г. Колюпановымъ по этому предмету въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, и сказать о немъ нѣсколько словъ.

Г. Колюпановъ съ точки зрѣнія тарифныхъ реформъ, дѣлитъ всю Россію на двѣ полосы. «Одна полоса — говоритъ онъ — полоса хлѣбныхъ и промышленныхъ произрастеній, основываетъ свое экономическое благосостояніе на отпускѣ сырыхъ произведеній сельскаго хозяйства и скотоводства. Другая полоса — полоса фабрично-заводской дѣятельности и отхожихъ промысловъ или промышленная — тѣсно связана съ развитіемъ фабрикъ и заводовъ, и разсчитываетъ на постоянное увеличиваніе сбыта

своихъ издѣлій. Въ черноземной полосѣ, на ея благодатной почвѣ, стукъ парового молота не оторветъ отъ плуга массу населенія; а пока здѣсь хлѣбъ получается въ избыткѣ, съ такими малыми издержками, и потому можетъ продаваться дешево и перевозиться далеко; сѣверное населеніе въ короткое лѣто, на неблагодатной почвѣ, долго не возьметъ съ земли урожая, обезпечивающаго его повинности и обыденныя нужды безъ пособія фабрикъ и мастерскихъ».

Обозначивъ такимъ образомъ различныя занятія двухъ разныхъ полосъ Россіи, г. Колюпановъ говоритъ, что каждая изъ этихъ полосъ обречена на свое спеціальное занятіе самимъ Богомъ, и человѣку противу такого высшаго назначенія уже ничего не подѣлать. «Границы обѣихъ полосъ положила — говоритъ онъ — природа, и потому занятія ихъ не могутъ подвергаться измѣненію, покоряясь обстоятельствамъ или свыше идущей регламентаціи».

Въ этомъ послѣднемъ положеніи состоитъ главная ошибка г. Колюпанова, которая служитъ основою для всѣхъ послѣдующихъ его софизмовъ. Г. Колюпановъ во множествѣ фабрикъ и заводовъ, существующихъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, видитъ не простую, и скорѣе печальную, чѣмъ пріятную случайность, случайность, созданную крѣпостнымъ правомъ, имъ поддерживавшуюся и поддерживаемую доселѣ, а нѣчто учрежденное по указанію самой природы, такъ точно какъ въ отсутствіи въ настоящее время фабричнаго и заводскаго производства въ южныхъ губерніяхъ въ значительныхъ размѣрахъ, видитъ призваніе этихъ губерній самою природою преимущественно, если не исключительно къ земледѣлію. Между тѣмъ всякій, кто внимательно и правильно разсмотритъ природныя условія двухъ указываемыхъ г. Колюпановымъ полосъ Россіи, придетъ совершенно къ обратному заключенію, то-есть найдетъ, что къ фабричному и заводскому дѣлу призвана болѣе южная полоса, нежели сѣверная; потому что въ первой найдется и болѣе продуктовъ для заводской и фабричной обработки и дешевыя средства для ихъ обработки. Это, конечно, нисколько не препятствуетъ заведенію и процвѣтанію фабрикъ и заводовъ на сѣверѣ; потому что у сѣвера есть свои продукты для фабричной и заводской обработки, какъ у юга свои; но это даетъ намъ совершенно другую точку зрѣнія на учрежденіе фабрикъ и заводовъ на сѣверѣ. Совсѣмъ не будетъ никакого пріобрѣтенія ни для сѣвера, ни вообще для страны, если мы будемъ строить здѣсь фабрики и заводы, какіе бы намъ ни вздумалось и гдѣ бы ни вздумалось. Напротивъ, здѣсь-то именно

то-есть на сѣверѣ мы и должны самымъ строгимъ образомъ соображать: есть ли для извѣстнаго производства вблизи данной мѣстности достаточное количество продуктовъ? Въ добываніи ли и воздѣлываніи самаго продукта, или только въ фабричной обработкѣ его будетъ участвовать населеніе? — Въ послѣднемъ случаѣ заводъ и фабрика не отнимутъ ли нужныя у земледѣлія руки, не возвысятъ ли искусственно цѣнъ хлѣба, и отнявъ у народа средство собственнаго, самостоятельнаго пропитанія, не распространятъ ли въ немъ нищеты и непрестаннаго голодованія? Если мы съ этой точки зрѣнія разсмотримъ фабрики и заводы, существующіе въ настоящее время на сѣверѣ, то найдемъ, что, за небольшими исключеніями, это вовсе не тѣ фабрики и заводы, которымъ можно бы было радоваться, и что г. Колюпановъ напрасно прославляетъ ихъ и въ построеніи ихъ видитъ указаніе природы. Въ нихъ-то именно и нѣтъ указанія природы, а видѣнъ одинъ только произволъ крѣпостнаго права, что̀ мы достаточно разъяснили выше. Свободная промышленость создала бы здѣсь другіе фабрики и заводы, размѣстила бы ихъ иначе, и дала бы имъ не тѣ размѣры.

Намъ могутъ сказать, что если въ продуктахъ природы нѣтъ указанія для преимущественнаго основанія фабрикъ и заводовъ на сѣверѣ, то это указаніе есть въ обиліи имѣющихся здѣсь свободныхъ рукъ для фабричнаго и заводскаго дѣла. Центральныя губерніи сѣвера заселены гораздо гуще, чѣмъ югъ; между тѣмъ земледѣльческія работы продолжаются здѣсь на сѣверѣ всего 4—5 мѣсяцевъ, остальное время крестьянинъ поневолѣ остается праздным̀ъ; ему негдѣ и нечѣмъ доставать себѣ хлѣба. Не слѣдуетъ ли для одного прокормленія народа заводить здѣсь какъ можно болѣе фабрикъ и заводовъ? Мы доказали выше, что всякая фабрика, всякій заводъ, основанные въ мѣстахъ, неблагопріятныхъ для нихъ по природнымъ условіямъ, никого не питаютъ, исключая ихъ хозяевъ, и то если хозяева пользуются высокимъ покровительствующимъ тарифомъ, — напротивъ, они разоряютъ страну, отнимая у нея послѣднія средства существованія. Но еслибы этого и не было, еслибы подобные заводы и фабрики не приносили положительнаго разоренія, а доставляли нѣкоторое, очень скудное пропитаніе населенію, то все-таки раждается весьма важный экономическій вопросъ такого рода: что̀ лучше — разводить ли фабрики и заводы въ мѣстахъ, неблагопріятныхъ для нихъ по природнымъ условіямъ, и привозить сюда продукты для ихъ обработки издалека, или устроивать фабрики и заводы въ мѣстахъ произрастенія и добыванія самыхъ

продуктовъ и доставлять сюда рабочихъ? Намъ кажется, что разумная экономія можетъ допустить скорѣе передвиженіе рабочихъ, чѣмъ передвиженіе продуктовъ. Г. Колюпановъ думаетъ иначе. Онъ всячески старается доказать невыгодность *отхожихъ* промысловъ, вредность вліянія этихъ промысловъ на семейную нравственность, слегка впадаетъ при этомъ случаѣ даже въ сентиментальность. Но всѣ возраженія г. Колюпанова противъ отхожихъ промысловъ очень слабы и скорѣе измышленны, чѣмъ дѣйствительны. А главное, что̀ г. Колюпановъ опускаетъ изъ виду, разсуждая объ отхожихъ промыслахъ, это—то, что въ настоящее время отхожіе промыслы остаются отхожими потому только, что самые предметы занятій для рабочихъ отхожіе, т.-е. временные, не постоянные. Если же бы мы представили себѣ, что на югѣ, напримѣръ, развелось много фабрикъ и заводовъ, требующихъ много постоянныхъ рукъ для работы, то рабочіе съ сѣвера переселятся туда на постоянное жительство въ такомъ именно количествѣ, въ какомъ это потребуется. И переселятся нетолько съ охотою, но и съ выгодою для себя, а, главное, съ выгодою для государства, которое въ настоящее время должно сосредоточить самое заботливое вниманіе на томъ, чтобы скучившемуся когда-то, въ тяжелыя и безвыходныя времена его, въ огромныхъ массахъ народонаселенію на сѣверѣ давать мало по малу возможность выхода изъ мѣстъ безплодныхъ и переселенія въ мѣстности благодатныя по своему плодородію, требующія только рукъ для быстраго развитія общаго благосостоянія. Эти общія выгоды государства и крестьянскаго населенія на сѣверѣ не совсѣмъ совпадаютъ однакожъ съ выгодами болѣе или менѣе значительныхъ землевладѣльцевъ, а также фабрикантовъ и заводчиковъ крѣпостной формаціи. Понятно, что еслибы избытокъ сѣвернаго народонаселенія переселился въ благодатныя мѣстности юга, то остающееся затѣмъ на сѣверѣ народонаселеніе имѣло бы на просторѣ обезпеченныя средства для своего существованія въ усиленномъ земледѣліи. Тогда и землевладѣльцамъ и фабрикантамъ трудно было бы за ничтожную заработную плату пріискивать нужную имъ рабочую силу. А жалкая, или вообще ненормальная постановка ихъ хозяйства, приспособленная къ крѣпостному труду, не могла бы выдержать труда вольнаго. Вотъ эту-то грозящую бѣду и предчувствуетъ г. Колюпановъ. Поэтому хотя, повидимому, онъ и горою стоитъ за интересы рабочихъ, отстаивая разведеніе фабрикъ и заводовъ въ безплодныхъ мѣстностяхъ, но въ сущности, можетъ быть, незамѣтно для себя самого, отстаиваетъ интересъ

вовсе не рабочаго населенія, а болѣе или менѣе значительныхъ землевладѣльцевъ, а также заводчиковъ и фабрикантовъ.

Вышедъ изъ ложной мысли, что нашъ сѣверъ и югъ устроили свои занятія согласно съ указаніемъ природы, г. Колюпановъ рекомендуетъ тому и другому продолжать и впредь идти по тому же самому пути. Пусть югъ занимается земледѣліемъ, сѣверъ фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, тогда у насъ, по проекту г. Колюпанова, цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ поднимется, сдѣлается живой внутренній обмѣнъ и образуется превосходнѣйшій внутренній рынокъ. Читатель недоумѣваетъ, какимъ образомъ фабрики и заводы могутъ поднять цѣну хлѣба, когда, повидимому, предполагается самимъ г. Колюпановымъ, что онѣ возьмутъ только свободныя отъ земледѣлія руки и свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, и когда, слѣдовательно, не предполагается ни сокращенія, ни запущенія земледѣлія ни на сѣверѣ, ни на югѣ. А что ничего подобнаго г. Колюпановымъ дѣйствительно не предполагается, это видно изъ разсужденія его о невозможности паденія у насъ средней нормальной заработной платы. Онъ говоритъ, что наши фабриканты и заводчики никогда не будутъ имѣть возможности такъ произвольно понижать среднюю норму заработной платы, какъ это дѣлаютъ западные фабриканты и заводчики, потому что нашъ рабочій есть вмѣстѣ и крестьянинъ, т.-е. человѣкъ, имѣющій свое собственное сельское хозяйство. Другихъ рабочихъ, въ качествѣ какихъ-нибудь бездомныхъ батраковъ, онъ, въ своемъ проектѣ, повидимому, вовсе не предполагаетъ. «На Западѣ у рабочаго — говоритъ онъ — стоящаго особнякомъ, нѣтъ другаго исхода, какъ идти въ кабалу къ промышленнику или умереть съ голоду; у насъ, у крестьянскаго *міра*, обезпеченнаго отъ голодной смерти своимъ надѣломъ, есть матеріальная поддержка для спора съ фабрикантомъ, при установленіи средняго уровня задѣльной платы. Если фабрикантъ въ своей мѣстности объявитъ цѣну слишкомъ низкую, то населеніе останется дома и будетъ, конечно, лишено на время заработковъ, сверхъ домашняго хозяйства; но оно увѣрено въ успѣхѣ своего дѣла, ибо имѣетъ возможность выждать — возможность, которой лишенъ западный пролетарій». Но все это говорится г. Колюпановымъ только для видимости. Tacito modo внутренній смыслъ его статьи, и общій тонъ ея говорятъ совершенно другое. Г. Колюпановъ вполнѣ убѣжденъ, что какъ скоро возвышенный тарифъ дастъ возможность сѣвернымъ землевладѣльцамъ и вообще капиталистамъ заводить фабрики и заводы, то они всѣ обратятся къ этому

занятію. «Мы, жители сѣверной полосы — говоритъ онъ — не сельскіе хозяева; сельское хозяйство возможно здѣсь или въ тѣсномъ районѣ большихъ городовъ, или въ отдѣльныхъ и исключительныхъ случаяхъ при благопріятныхъ условіяхъ; въ общемъ смыслѣ, какъ показалъ горькій опытъ, оно не окупается и воздѣланныя земли, гдѣ только возможно, сдаются въ аренду за безцѣнокъ». Но если г. Колюпановъ вполнѣ убѣжденъ, что для сѣверныхъ землевладѣльцевъ единственный исходъ изъ ихъ печальнаго положенія заводская и фабричная спекуляція во что бы то ни стало, то онъ не можетъ быть не убѣжденъ и въ томъ, что противъ напора капиталовъ, устремленныхъ при помощи возвышеннаго тарифа единственно къ фабричному и заводскому производству, не устоитъ и крестьянское земледѣліе. Крестьяне бросятъ обработку земли и устремятся всѣ на фабрики и заводы. Сюда сначала привлечетъ ихъ кажущаяся обезпеченность существованія, независящая отъ случайностей неплодородной почвы, и хорошій заработокъ. Мы говоримъ: *хорошій заработокъ*, потому что въ случаѣ сильной заводской и фабричной конкуренціи, фабриканты и заводчики, чтобы отвлечь крестьянъ отъ земледѣлія и прикрѣпить къ фабрикамъ и заводамъ, не пожалѣютъ на первое время и хорошаго заработка, даже еслибы онъ угрожалъ рискомъ извѣстнаго временнаго убытка имъ самимъ. Но подобный заработокъ будетъ даваться впродолженіе одного, много двухъ поколѣній, то-есть, до того времени, пока крестьяне сдѣлаются неспособны къ земледѣльческому труду, и будутъ годны только для того или другого фабричнаго дѣла. Затѣмъ каждый рабочій, въ силу извѣстнаго экономическаго закона, будетъ получать лишь столько, сколько нужно для того, чтобъ онъ не умеръ съ голоду. Напрасно г. Колюпановъ увѣряетъ, что надѣлы земли, которыми владѣютъ наши крестьяне, установятъ извѣстную среднюю норму фабричной заработной платы, ниже которой фабриканты и заводчики будутъ не въ состояніи спустить ее, иначе фабричные откажутся отъ работы, и, питаясь до времени отъ надѣловъ, заставятъ фабрикантовъ снова возвысить ее. Это такая иллюзія, которою можно обманывать только дѣтей. Кто отсталъ отъ земледѣлія и привыкъ къ фабричной работѣ, тотъ такъ же не можетъ питаться отъ надѣла, какъ не можетъ питаться отъ него какой нибудь ученый профессоръ, проводящій свою жизнь въ кабинетныхъ занятіяхъ. Всякій трудъ ревнивъ, и беретъ себѣ всего человѣка. Напрасно думаютъ, что для механическаго или матеріальнаго труда требуется имѣть только крѣпкія руки. Къ нему также люди приспособляютъ свои

органы и силы въ теченіе долгихъ лѣтъ или съ ранняго дѣтства, и когда овладѣютъ хорошо однимъ трудомъ, дѣлаются потомъ или неспособны вовсе, или мало способны ко всякому другому труду. Вотъ почему борьба рабочихъ съ фабрикантами и заводчиками такъ же невозможна у насъ, хотя у насъ и есть надѣлы, какъ она невозможна на Западѣ, гдѣ ихъ нѣтъ. Оставивъ фабрику и заводъ, фабричный все равно и у насъ будетъ умирать съ голоду или нищенствовать, какъ это и было при недавнемъ закрытіи нашихъ шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ фабрикъ.

Такимъ образомъ, если благодѣтельный тарифъ поддержитъ старыя наши крѣпостныя фабрики и заводы, и дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность таковымъ же размножаться безъ числа и на будущее время, то нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе недолгаго времени мало-по-малу все сѣверное народонаселеніе превратится въ закрѣпощенное къ фабрикамъ и заводамъ. Это, конечно, дастъ обезпеченное положеніе всѣмъ, болѣе или менѣе значительнымъ землевладѣльцамъ сѣверныхъ губерній и вообще капиталистамъ, но убьетъ во всѣхъ отношеніяхъ всякую будущность у крестьянскаго населенія этихъ губерній и отниметъ у государства милльоны полезныхъ членовъ въ жертву частному корыстолюбію.

Таковъ въ основныхъ чертахъ своихъ проектъ г. Колюпанова. Мы не вдаемся здѣсь въ его детали, то-есть въ разсужденія г. Колюпанова о фритредерахъ, о необходимости у насъ фабричнаго дѣла, о скудости и бѣдствіи государствъ чисто-земледѣльческихъ и т. п.; ибо всѣ эти детали не болѣе, какъ риторическіе орнаменты, вставленные въ статью г. Колюпанова для людей слишкомъ нервныхъ, которыхъ могла бы потревожить и, пожалуй, напугать нагая истина его проекта. Все, что̀ говоритъ г. Колюпановъ о фритредерахъ, о необходимости размноженія у насъ фабрикъ, о скудости и бѣдствіи чисто-земледѣльческихъ государствъ и т. п., все это, безспорно, истинно. Но мы должны присовокупить къ этому, что у насъ нѣтъ и людей, которые старались бы поколебать или подвергнуть сомнѣнію сіи святыя истины.

Спрашивается: для кого же и зачѣмъ г. Колюпановъ старается отстоять то, на что̀ никто не нападаетъ, и утвердить то, что̀ никто не думалъ подвергать сомнѣнію?

Отвѣтъ на это нетруденъ.

Вопросъ о тарифѣ отождествляется у насъ въ настоящее время съ вопросомъ о томъ: должна ли наша промышленость и впредь

идти по пути, указанному и завѣщанному ей крѣпостнымъ правомъ, или будетъ она развиваться свободно и самостоятельно? И вотъ эту-то суть вопроса хозяева и приверженцы крѣпостныхъ фабрикъ и заводовъ стараются замазать разными общими мѣстами о фритредерахъ, пользѣ фабричной промышленности, скудости чисто-земледѣльческихъ государствъ и тому подобными невинными разсужденіями de lana caprina, рекомендующими, впрочемъ, ихъ консервативную благонамѣренность и патріотизмъ.

Мы, конечно, не думаемъ, чтобы г. Колюпановъ душою и сердцемъ принадлежалъ къ числу подобныхъ патріотовъ, которыхъ такъ много развелось у насъ за послѣднее время, а съ другой стороны, не можемъ не констатировать того, что мысли, имъ высказываемыя относительно тарифа, могутъ высказывать только самые завзятые любители крѣпостнаго труда.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о городахъ, въ которыхъ нѣтъ никакого промышленнаго и торговаго движенія, ни искусственно привитаго, ни развивающагося свободно, о городахъ, которые по своей жизни вышли изъ разряда селъ, но не попали въ число городовъ, и въ ряду поселеній составляютъ то, что̀ называется ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ. Къ разряду такихъ городовъ относятся всѣ тѣ возведенныя въ степень городовъ, въ видахъ чисто-административныхъ, поселенія, которыя не представляютъ никакихъ натуральныхъ удобствъ даже для мѣстной промышленности и торговли самыхъ скромныхъ размѣровъ, и послѣдняя обходитъ ихъ, изыскивая для себя другіе, болѣе подручные ей пути и поселенія. Такихъ городовъ существуетъ весьма много на святой Руси, начиная отъ мелкихъ уѣздныхъ, иногда до очень значительныхъ, по видимости, губернскихъ; 30 или 40 чиновниковъ, составляющихъ обыкновенно персоналъ уѣзднаго управленія, 6 или 7 лавочниковъ, удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ, 1 портной, 1 сапожникъ, и затѣмъ въ лучшихъ изъ нихъ одна гувернантка и два фортепьяно, какъ доказательство, что городъ находится въ цивилизованномъ государствѣ, и стремится къ образованію—вотъ все отличіе бо̀льшей части уѣздныхъ городовъ отъ деревни. Собственно жизнь народонаселенія выглядываетъ здѣсь гораздо неподвижнѣе, тупѣе и пустѣе, чѣмъ жизнь въ деревнѣ. Каждый стукъ колесъ, прокатившихся по улицѣ, приводитъ въ изумленіе обывателей и заставляетъ ихъ опрометью бросаться къ окну, чтобы видѣть: кому это вздумалось возмутить ихъ неподвижную трясину. Въ губернскихъ городахъ, натурально, гораздо люднѣе. Тамъ чиновники считаются уже сотнями, вслѣдствіе

того тамъ существуютъ уже десятки лавочниковъ, портныхъ и сапожниковъ можно находить по нѣсколько экземпляровъ; гувернантокъ и фортепьяно можно находить на каждой значительной улицѣ, иногда и въ нѣсколькихъ домахъ. Но тамъ просвѣщеніе вообще идетъ уже гораздо глубже и шире; тамъ есть и гимназія и духовная семинарія и вообще ученое сословіе, представляемое персоналомъ преподавателей этихъ двухъ заведеній. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ, гдѣ централизируются дѣла цѣлой губерніи, можно всегда найдти сотни двѣ лицъ иногородныхъ, хлопочущихъ здѣсь по разнымъ дѣламъ. Вообще въ губернскомъ городѣ есть уже нѣкоторая подвижность и оживленность. Шумъ колесъ тамъ нетолько не рѣдкость, но въ числѣ многихъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, губернскія вѣдомости каждонедѣльно отмѣчаютъ на своихъ столбцахъ по нѣскольку благородій и высокоблагородій, а изрѣдка попадаются даже и высокородія и превосходительства. Полиція здѣсь также сбрасываетъ съ себя свой исключительно слѣдственный и карающій характеръ, какъ это бываетъ въ первобытныхъ обществахъ, и принимаетъ предупреждающее направленіе. Полиція отваживается здѣсь иногда даже на трудную борьбу съ обывателями города за право распускать стаи собакъ по значительнымъ улицамъ и дозволять домашнему рогатому и безрогому скоту обгрызывать деревья въ общественномъ саду и подрывать его,—хотя эта борьба ведется не всегда успѣшно, вообще вяло, и дѣлается энергичною только въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь глупой коровѣ или собакѣ придетъ взбалмошная мысль попугать кого-нибудь изъ важныхъ сановниковъ города или его семейство. Такимъ образомъ уже во всякомъ губернскомъ городѣ жизнь и движеніе являются въ такихъ формахъ, которыя по наружности не имѣютъ ничего похожаго на деревенскій бытъ. Но изъ ряда обыкновенныхъ губернскихъ городовъ выдѣляются немногіе города, оживленіе и шумъ которыхъ на главныхъ улицахъ города начинаютъ напоминать нѣсколько оживленіе и шумъ столицъ. Это тѣ города-счастливцы, которыхъ судьба бросила на довольно значительную дистанцію отъ столицы, но среди богатаго крѣпостнаго владѣнія. Помѣщики не всѣ имѣли возможность и средства переселяться на житье въ столицы, а между тѣмъ и въ деревнѣ жить было скучно. И вотъ они перебирались на постоянное жительство въ губернскій городъ, строили здѣсь дома, конечно, болѣе комфортабельные и изящные, чѣмъ дома чиновниковъ, лавочниковъ и т. п., снабжали ихъ богатою мѣбелью, заводились экипажами и проч. Все это развивало новый родъ ремеслъ и про-

мышленности въ городѣ. Предметы ежедневнаго потребленія являлись въ гораздо бо́льшемъ разнообразіи и самое потребленіе ихъ принимало если не громадные, то значительные противу прежняго размѣры. Создавался богатый рынокъ, въ которомъ много хорошаго могъ найдти самый прихотливый вкусъ. Воздвигались прочныя и изящныя общественныя зданія для общественныхъ удовольствій — домъ дворянскаго собранія, клубъ, театръ. Иногда въ городѣ являлось, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, и зданіе публичной библіотеки, въ которой можно было найдти все, что̀ произвела лучшаго русская печать, начиная отъ произведеній Державина и Пушкина въ изданіяхъ гг. Анненкова и Грота до новѣйшихъ либеральныхъ изданій. Самый внѣшній видъ города получалъ приличную наружность. Каменныя мостовыя и тротуары на всѣхъ главныхъ улицахъ, спиртовое освѣщеніе, число собакъ на улицахъ очень умѣренное, красиво построенныя будки въ общественныхъ садахъ, вслѣдствіе чего рогатый и нерогатый скотъ нетолько не могъ думать подрывать послѣднихъ или обгрызать деревьевъ, но даже не могъ безнаказанно приближаться къ нимъ, нерѣдкая ѣзда въ экипажахъ по главнымъ улицамъ, движущіеся по нимъ въ разныхъ направленіяхъ пѣшеходы, наконецъ невозможность пройдти ни въ какое время дня по одной изъ главныхъ улицъ, не встрѣтившись съ несущимся на парѣ лошадей на отлетъ, въ сопровожденіи казака полицеймейстеромъ—все это свидѣтельствовало о сильномъ оживленіи и процвѣтаніи города.

Городъ дѣйствительно жилъ и процвѣталъ не хуже любаго торговаго и промышленнаго города, но только не на собственный счетъ, а на счетъ денегъ, даромъ взятыхъ изъ деревни. А потому эта жизнь и дѣятельность никакъ не можетъ быть названа жизнію и дѣятельностію, потому что не имѣя никакихъ серьёзныхъ производительныхъ цѣлей, она составляетъ только забаву людей, ищущихъ развлеченія и разсѣянія отъ деревенской скуки; потому что она уничтожится съ послѣдними прожитыми выкупными свидѣтельствами, не оставивъ послѣ себя никакого прочнаго слѣда. И что̀ тогда станется съ бѣднымъ городомъ?

Впрочемъ, вопросъ этотъ одинаково приложимъ нетолько къ городамъ послѣдняго указаннаго нами разряда, жившимъ завѣдомо и очевидно для всѣхъ *мірскою* тяготою, но и къ тѣмъ вышепоименованнымъ нами великолѣпнымъ городамъ, нищеты и лохмотьевъ которыхъ никто не примѣчалъ изъ-за ихъ всегда блестѣвшихъ золотомъ верхнихъ одеждъ? Что̀ ждетъ и эти послѣдніе, можетъ быть, не въ очень отдаленномъ будущемъ?

Правда, они гораздо обезпеченнѣе въ своей судьбѣ и могутъ надѣяться еще поблестѣть, такъ-какъ и та промышленость, которая должна подточить ихъ, состоитъ еще сама подъ вопросомъ.

Есть ли близкая будущность для нашей промышлености? Разцвѣтетъ ли она *скоро* живая и свободная, или будетъ *долго* еще влачить свое прежнее жалкое существованіемъ подъ продолжающимся гнетомъ крѣпостнаго права, разоряя въ конецъ и безъ того уже достаточно разоренную въ прежнее время страну?

Мы думаемъ, что пока не будетъ широкаго, прочнаго, твердо обезпеченнаго и исключающаго всякій произволъ мѣстнаго самоуправленія, которое бы давало возможность вполнѣ свободно и безопасно размѣщаться всюду знанію, капиталу, труду — дотолѣ всѣ мѣры для поднятія нашей промышлености будутъ напрасны; мало того: дотолѣ она никогда не освободится изъ своего крѣпостнаго состоянія, въ которомъ намѣренно будутъ держать ее разные монополисты, для которыхъ по разнымъ соображеніямъ такое плачевное состояніе ея очень выгодно.

Г. Елисеевъ.